

ВСЁ ДЕЛО В КОФЕ

Фил Ю

18+

Фил Ю

Всё дело в кофе

«Автор»

2026

Ю Ф.

Всё дело в кофе / Ф. Ю — «Автор», 2026

Земля не одна во Вселенной. Порт-лучи связали планеты в единую сеть, протерианцы будучи более развитой инопланетной цивилизацией, принесли новые технологии в промышленности и медицине, а человечество поверило, в то, что прогресс равен свободе. Главный герой — Родион Громов — пилот-курьер, который возит грузы, перемещаясь между звездными системами и галактиками — не задаёт лишних вопросов. Но однажды он встречает Машу — девушку, которую преследует рестрикция. Вместе с Анной Никитичной — смотрительницей старой станции — они сбегают от спецслужб. Путь звездолета «Бусинка» лежит через три планеты. От утопичной Альтрассиды до индустриального Альтароникса и пустынной Элиостры, где правда оказывается страшнее любой теории заговора. Вопрос только в том — готовы ли вы узнать, что на самом деле скрывается за чашкой кофе?

© Ю Ф., 2026

© Автор, 2026

Фил Ю

Всё дело в кофе

Глава 1.

Станция Новые Бабайки встретила туманом и сыростью. Так почему-то всегда бывает на Земле осенью. Неважно, в какую из точек перехода направляет порт-луч, но все одно — будет туманно и сыро. Термобелье не просохнет, как и стельки привычных берц, и это повезет, если график отключения горячей воды не совпадет со станцией с транзитным коридором.

— Баб Нюр! Открывай! Свои! — привычно выкрикнул я в динамик, ожидая, когда дежурная выровняет давление и индикатор загорится зеленым.

— В такую погоду свои дома сидят, и по транзитам не шляются! — автоматика проворчала в ответ, впрочем, шлюз привычно пшикнул, стравливая воздух, и, нажав на рычаг, я активировал механизм открывания.

— Драсти! — я старался улыбаться, как мог, но ожидаемо на Анну Никитичну моя наигранная радость не произвела особенного впечатления. Наверное, поэтому первое, что я услышал от нее было вовсе не доброе приветствие и любезные вопросы, о том, как, мол, долетел и это все.

— Воды нет. Никакой. Строители третьего дня водопровод нашли, будь они не ладны! Сидим на резервной линии.

— Очень приятно, конечно, — выдохнул я.

— Помыться можно в капсуле. Чистка только сухая. Давай, проходи, не задерживайся!

— А чего, очередь уже?

— Не приведи Господь! Только такие, как ты, Родя, через Бабайки трансферуют.

Лучше разговор сейчас было не продолжать, так что я вздохнул, и прошел дальше. Предстояло еще оформить транзитную визу через терминал, уплатить пошлину, дожидаться, пока система проложит маршрут и ждать, когда прыжок по порт-лучу будет возможен.

С межпланетными перелетами все вроде бы просто, но не так, как хотелось бы. Так как технологию нам принесли с соседних звезд, да и то только потому, что протерианцам нужна была точка для ремонта и сборки в нашей галактике, условия диктовали пришельцы. Вот и время для трансферов Земля получала по остаточному принципу. Но все кураторы вроде как были довольны.

— Чего не через Астрахань-то, летишь? Живого кого везешь, что ли?

Баба Нюра оттаяла, любопытство взяло верх. А может, осознала, что без меня в Бабайках сейчас особо не поговоришь ни с кем с глазу на глаз, вот и сменила гнев на милость.

— Не, баб Нюр. Все как обычно. Экспорт опреснительных кристаллов, и водные чипы.

— Вот выкачают всю воду из Байкала, будем знать! — она погрозила кому-то на далеких звездах, а я покивал. Иногда лучше ничего не доказывать, со всем соглашаться и не попадать под горячую руку. Это я еще с училища умный такой, и наученный общаться со взрослыми людьми, и даже со стариками, или с теми, кто хочет такими казаться.

— Баб Нюр, я в пути давно, может, чайку поставите?

— Может, и поставлю. События не торопи, Родя. Я еще на тебя недостаточно наворчала.

— Люблю я, баб Нюр, людей, которые точно знают, чего хотят!

— Полегче, давай-ка, не перебарщивай! — заключила она.

Меж тем мы переместились на кухню, я тщательно вымыл руки, расположился за столом, как был в лётном, и ни сколько не стеснясь хозяйки, придвинул к себе привычную чашку, которая стояла среди трех других таких же с надбитыми краями и ручками, после чего, налил кипятку и кинул пакетик черного чая.

Анна Никитична надела фартук, заправила выбившиеся седые пряди за уши, и принялась хлопотать по хозяйству, забыв, что собиралась меня пожурить за что-то еще. Наверное, я угадал, что оказался в Бабайках первым, и, возможно, не только в этом месяце, но и в целом сезоне, так что баба Нюра успела соскучиться по живым людям.

— ... Анисий достал со своими просьбами, мол, пришли кофейных зерен, да пришли, а я ему что деньги, что ли печатаю? Знаешь, сколько теперь всамделишные-то стоят?

— А сублимат что уже не устраивает?

— Этому барину натуральный продукт подавай!

— Но уломал-таки?

— Спрашиваешь! Внучку обещал прислать ко мне на практику. Сам понимаешь, какая тут практика, Родя, но я в этой дыре, кажется, буквально зарастаю мхом!

— А внучка, что?

— Скоро должна прибыть. Надеюсь, водопровод всё же починят.

— Значит, свидимся?

— Надеюсь, что нет. Машка — девка молодая, ветер в голове. Прилетит, увидит пилота межзвездного корабля — и поминай, как звали!

— Вы полегче, баб Нюр! Мне сейчас отношения не по карману. Никакие, причем, акромя деловых. Вот с вами чая попить могу, а могу и чего покрепче, но всяких там молодых девиц очаровывать — увольте. Никакого спецпитания для стазиса не хватит!

— Все бы тебе о деньгах, да о деньгах. Нет в тебе никакой романтики! Может, Машенька только о космосе и мечтает!

— Вы определитесь, или она увидит пилота и с ума сойдет, или мечтает о космосе! В первом случае — меня надо срочно спасать, а лучше изолировать в отдельном отсеке с усиленным рационом, а во втором — ей придется копить на Академию.

— Уж и пошутить нельзя, всё ты этак вывернешь, что и не интересно потом! Ладно, Господь с тобой!

На всякий случай, осенив меня крестным знамением, Анна Никитична выставила на стол вазочку печенья, сублимированные пирожки, сухарики и конфетки «Москвичка». И вот за все те годы, что я через Бабайки летаю — никак не могу понять, как это всё легко и просто уживается в ней? И набожность, и современные технологии, и понимание, что протерианцы для нас никак не меньше тех самых богов. Хотя... может, и нет его, понимания этого, а я пытаюсь по внешним сигналам прочесть душу другого человека? Наверное, чтобы объяснить не ей, а себе, отчего баба Нюра отказалась от омоложения, зачем освоила ускоренный курс Смотрителя трансферной станции порт-луча, и для чего нас свела здесь судьба.

И вроде бы знаю, что нет никакого предназначения, нет никакой предопределенности, есть условная линия, парадигма, и вроде бы всё в моих руках, ан-нет! Сажу, пью чай, ем залежавшееся печенье, чувствуя тот самый запах из детства, из бабушкиного буфета, из какого-то другого мира, где не существовало никаких протерианцев, межпланетных порт-лучей и будущее, как и настоящее, было понятно и просто.

Рано, ой, рано начал ностальгировать! Мне ж и тридцати нет! Это что с эмоциональным фоном дальше будет? Но тут, что у баб Нюры, что у отца моего один ответ: «что-то рожа у тебя, Родя, довольная слишком, жениться тебе надо». А я всё еще надеюсь, что можно как-то без этого. За всеми этими трансферами я ж света белого не вижу! Хотелось бы как-то не кристаллы для опреснения везти за тридевять земель, а недельку-другую полежать в гамаке у моря, причём, какой планеты мне лично плевать, главное, чтоб комаров не было, и можно было ходить без скафандра.

Сплетни у Анны Никитичны закончились вместе с конфетами. По её словам выходило, что местный застройщик был не слишком-то рад порт-лучу и самой трансферной станции. У

многих и до него на сплавы по реке Юхоть были большие планы, а вот протерианцы не велят рядом туристическим кластерам строиться. Одно дело — два три небольших поселка, и совсем другое — турбазы, гостиницы, отели, парящие острова. А все дело в том, что не всегда порт-луч работает как нужно, то есть, попадает тютелька в тютельку. Может ведь межпланетным переносом и дом разнести, и оставить, что называется, выжженную степь, где на много километров вокруг тридцать лет ничего расти не будет. Пусть на Земле таких случаев пока не было, во всяком случае, в густонаселенных районах, но это не означало, что не могло быть в принципе, а лишние жертвы прагматичным протерианцам были ни к чему. Они вообще не любили разбрасываться ресурсами, как и деньгами.

В сети было много теорий о том, откуда пришельцы взялись и почему так назывались. К спутнику Нептуна — Протею — протерианцы почти никакого отношения не имели. А назвали инопланетную расу так по месту первого обнаружения их корабля. Сейчас мне казалось, что прошла уйма лет, хотя по факту, первый контакт с цивилизацией, подарившей нам порт-луч, случился, когда я только получил паспорт. С тех пор прошло четырнадцать лет.

И ведь всё произошло так буднично и просто, что никто и не удивился тому, что во Вселенной мы оказались не единственными мыслящими существами. Словно земляне давно ждали только этого часа, и уже через год без мародерства и паники по всей планете, точно грибы после дождя, выросли трансферные станции и полустанки, со всеми континентами были подписаны договоры, и закипела торговля.

Мечта многих хиппи и прочих пацифистов сбылась. Почти все локальные конфликты прекратились, как по мановению ока. Протерианцы стали тем самым «черным лебедем», заслужившим Нобелевскую премию мира. Мир затаился перед непознанным, а человечество наконец-то почувствовало себя единым, объединяясь не по зову сердца, а против внешней угрозы. Пусть и не явно, пусть без надежды на успех в случае возможного конфликта, но все сделались братьями. В первое время было важно пережить не только восторг и удивление, но и почувствовать хоть какую-то общность перед лицом иной расы с далеких звезд.

Сначала Земля экспортировала только сырье, но довольно скоро человечество получило первые корабли межзвездного флота. История гласит, что протерианцы передали нам технологии, адаптированные для земного уровня развития, лишь немного перенаправив промышленность в нужное русло, но я думаю, что крейсер протерианцев и несколько торговых судов, которые потерпели крушение на Земле — были перебраны до винтика, отсканированы во всех возможных проекциях и повторены в меру сил.

Тут уж хочешь — не хочешь, а делиться пришлось. Сейчас мне кажется, что наши политики продешевили. Протерианцы не ожидали от землян такой прыти, и, судя по тогдашним сводкам — их командование находилось в смятении и замешательстве. Но, так уж вышло, что у нас никто не получил возможности жить до трехсот лет, ходить сквозь стены или перемещаться быстрее скорости звука, но кое-что все-таки выгадали. Например, у всех государств остались вооруженные силы, мы имели право передвигаться не только по порт-лучу, но и развивать свою космонавтику, и пусть прыжковые двигатели позволяли перемещаться лишь на около световых скоростях, но это было гораздо больше, чем у известных сегодня цивилизаций.

В Академии, где я переучивался с пилота пассажирской авиации на капитана межзвездного корабля, поговаривали, что не только наше стремительное освоение технологий поспособствовало этому, но и некоторый арсенал ядерных боеголовок, выведенный на орбиту за пару лет до случившегося контакта. Я не думаю, что протерианцы не смогли бы противопоставить этому оружию что-либо, конечно, смогли! Но им нужны были наши ресурсы, им нужна была безопасная точка связи порт-лучей, а применение ядерного оружия могло поставить на этом крест, ввиду непредсказуемого влияния на дальнейшее будущее планеты.

А еще мне довелось послушать интересный подкаст в сети, где один из спикеров рассказывал про советскую еще систему ядерного сдерживания — «Мертвая рука», а после предпо-

лагал, что и она тоже сыграла некоторую роль в решениях протерианцев, предоставивших нам солидные льготы и послабления. Могли бы колонизовать, но таких дурных поискать еще было надо по всем галактикам, вот и не стали, решив дожидаться, к примеру, когда оно само треснет... но, как это обычно бывает с землянами — всё пошло не по плану.

— Ну, а ты, чего расскажешь? — Анна Никитична решила, что пришло время и мне поделиться с ней сведениями о внешнем мире: межпланетных перелетах, последних сплетнях, и о моем родном городе.

— У нас все по-прежнему, — ответил я, — никаких изменений. Кроме строительства. Но это как везде. В прошлом месяце летал через Астрахань. Вез всё те же кристаллы. Протерианцы налаживают торговлю с галактикой Фейерверк. Там будут новые точки перехода, но не от нас, конечно. Не напрямую, но направление перспективное. Думаю, следующая точка для колонии или терроформации — там. Система порт-лучей там, правда, такая сложная, что соглашусь вернуться лишь по тройному тарифу.

— Эх, Родя, кто ж тебе его даст, — выдохнула Анна Никитична, — выдоят нас до донышка и поминай, как звали. У них же там этот... ультракапитализм. Не думаю, что можно ждать чего-то хорошего от тех, кто не лишил нас военно-космического флота лишь потому, что если уж чего и начнется, то наши касатики никого защитить и не смогут.

— Во-первых, баб Нюр, тебе бы подкасты нейросетевые пореже слушать те, что про Четвертую мировую, а, во-вторых, может, и не выдоили Землю до сих пор, потому что наш космический флот и не должен никому противостоять, а просто взорвет планету к такой-то матери, если уж что.

— Не ругайся, Родя. Лучше вот чайку еще попей, а потом, того, еще раз камеру обработки пройди, и прогуляйся до баньки, признаться, я натопила.

— Так воды же нет!

— Запасы у меня. На такой вот случай. Да и перед Манькой неудобно, если от тебя за три километра химикалиями разить будет.

Такая резкая перемена в тоне Анны Никитичны меня удивила, но не сильно озадачила. Селиванову я знал давно. Она никогда не была глупой и недалекой старушкой, но нередко делала вид. Не думаю, что управлять даже захудалой порт-лучевой станцией доверили бы случайному человеку, который не прошел обучение и все возможные проверки, как земных спецслужб, так и протерианцев. А кроме всего прочего, уже одно то, что Анна Никитична отказалась от радикального омоложения, предпочтя данной процедуре восстановление всех систем организма, насколько возможно, свидетельствовало о нетривиальном складе ума.

Однажды она мне почти что проговорила, то ли случайно, то ли специально бросив такую фразу: «Не хотела бы я, Родя, помолодев, заново проходить весь тот цирк с обязательными социальными ритуалами, чтобы добиться, наконец, права спокойно заниматься своими делами».

Вроде бы, однажды баб Нюра была замужем, и даже дочь у нее имелась. Но никаких подробностей о семье Селивановой я не знал, полагая, что Анисий — ее тайная страсть и утешение, а расспрашивать взрослых дам — постыдное дело.

В общем, я решил подчиниться слепой судьбе, поблагодарил Анну Никитичну за чай, и, пройдя дезактивационную камеру, зашагал восвояси. То ли проверяла меня баба Нюра, то ли еще нужно было еще немного времени, так как недоговорила о чем-то с Анисием, а разговор этот был не для посторонних ушей. Возражений с моей стороны не имелось.

Все-таки нет ничего лучше русской бани. Как бы она не выглядела, и где бы ни располагалась. Стоять под душем или позволить роскошь поваляться в ванне подольше — это одно, но отскрести кожу до скрипа, пожалуй, можно только распарившись хорошенько и не жалея

ни воды, ни мыла. Что уж говорить о запахе трав, который растекается вокруг, напитывает кожу и волосы?

Окаывая себя из кадушки холодной водой, растираясь жестким вафельным полотенцем, я вспоминал эти же ощущения, что были родом из детства. Как моя родная бабушка рассказывала мне сказки, закутав в огромный махровый дедов халат. Как пахло зверобоем и смородиной от особого «дачного» чая, и каким защищенным я себя чувствовал, приваливаясь к спинке кресла, подтянув под себя ноги. Самым главным вопросом тогда оставался один — пойдем ли мы завтра купаться на пожарный пруд, или придется повременить, пока не приедет мама?

Сколько мне было? Пять или шесть? Точно еще до школы. Когда все было просто и предсказуемо, и ни о каких пришельцах с далеких звезд не могло быть и речи.

Вернувшись на станцию, служившую одновременно и рабочим местом и домом для бабы Нюры, я понимал, что все еще должен рассказ о собственных приключениях. По сути, конечно, никаких «приключений» и не было. Была работа. Кропотливая. Нудная. Необходимая. Как и у всех.

Тогда мне казалось немного странным, что Анна Никитична довольно подробно расспрашивает меня о планетах, на которых мне удалось побывать, и немного расстраивается, если мои описания выходят не особенно красочными. Обычно дальше портовой зоны перевозчики не заходят. Не потому что у нас нет транзитных документов, и мы не имеем права осматривать города на других планетах, а просто, когда подобное теряет первую новизну — думаешь вовсе не о том, как сделать красивые кадры фиолетового заката, а где поест и помыться дешевле.

Наверное, это можно сравнить с работой курьера. Как если бы доставщики товаров и снеди фотографировались бы в разных подъездах, или с вывесками улиц, подробно расспрашивая жильцов об инфраструктуре их квартала, работе лифтов и мусоропроводов. После первого года эйфории мои «приключения» стали похожи на простые доставки. Разве что форма в моей организации была серого, а не желтого цвета, и термосумка чаще болталась на поясе, чем за спиной.

— С легким паром! — произнесла Анна Никитична.

Теперь она выглядела более довольной, что заронило в мою душу некоторые сомнения по поводу того с кем и о чем она успела переговорить, и чем это мне угрожает.

Никому не нравится, если его используют, прикрываясь лучшими чувствами, а к Селивановой я относился хорошо, не думаю, что отказался бы участвовать в заманчивой аванюре, но сейчас подозревал бабу Нюру буквально во всем.

— Анна Никитична, так-то спасибо, конечно, уважила, но уровень моей подозрительности находится на высшей границе допустимого, так что, по-доброму прошу, выкладывайте, за что мне такие почести, и чего от вас теперь ожидать!

— Родя, ну как тебе ни стыдно! Ты еще скажи, что топор наготове держишь!

— Ну, топор-не топор, но тяжелый предмет найду, если решите насильничать!

Селиванова рассмеялась, махнула на меня рукой, и, будто бы выдохнула, решив, что теперь уж я точно на все соглашусь. И не то, чтобы она оказалась не правой в итоге, но в тот момент, я считал, что откажусь, чего бы там ни было.

— С внучкой Анисия — Машей — всё не так просто. И услуга мне нужна не за хорошее ко мне отношение. Все дело в тех самых кофейных зернах, будь они не ладны! В общем, подрабатывала Машка в питомнике, который при Тимирязевской Академии, в Москве, а дед ее подбивал, мол, так и так, кофе бы зернового. В магазине не каждый хочет пенсию оставлять за пятьдесят грамм, она будь сердобольной душой — согласилась. Недостача вроде как не открылась, вопросы задавали про вес, она и списала на то, и на это, но на карандаш ее взяли. Сам понимаешь, не одна она была такая умная. Влетело там всем по первое число, конечно, когда

уже серьезные недоимки выявили. Оштрафовали, занесли выговор в личное дело, но вроде закончилось на этом. Но вот только...

— ...что?

— Эпидемия какая-то началась. Растения погибали от непонятной болезни. Причем, какой-то такой штамм разбушевался, что ото всех фруктовых деревьев, и от бобовых растений заодно ничего не осталось. Даже протерианцы руками развели. Такой заразы у них отродясь не бывало. Плантации свернули, питомник разорился почти, а профессию Машка получить не успела...

— ... и куда ты клонишь, баб Нью?

— Ты же сертифицированный пилот? Да к тому же пилот-инструктор? Может, научишь ее чему? Хотя бы на «желтенькую»?

— Обычные права у Машеньки твоей есть?

— Имеются.

— А штрафы, приводы, вождение в нетрезвом виде?

— Упаси Господи, нет, конечно!

— Профиль покажешь?

— Конечно. У нее и нарушений-то почти нет.

— Будем посмотреть... — неопределенно сказал я, а сам задумался.

Вроде бы и услуга небольшая. Да и «желтая» карточка дает формальное право управление пилотируемыми аппаратами не далее околоземной орбиты, вроде и риска никакого нет, но что-то мне решительно не нравилось во всей этой истории. То ли эта история с вирусом в питомнике, о которой я краем уха слышал, то ли то, что девчонка из собственной организации сырье выносила, пусть и для любимого деда... пусть и в небольших количествах, но все же!

С другой стороны — Анна Никитична без утайки рассказала, и не стала Машу выгораживать или оправдывать, а честно попросила на низший разряд обучить... это, конечно, можно, но только, когда сам увижу, что там за Маша такая, и ID по своим каналам пробью.

Так-то из-за всей этой катавасии Россия, говорят, чуть собственных кофейных семян не лишилась, потому что с этими бобовыми как-то сложно все, и только на широте Сочи получается какую-никакую конкуренцию мировому сообществу составлять, а Маша была одной из тех, кто чуть было не подорвал это хрупкое равновесие. Учитывая цены на кофе — можно понять, что санкции прошли по касательной, а значит было там еще что-то. Вот и нужно было выяснить — что.

Глава 2.

Если бы в подростковом возрасте мне рассказали, что я буду пилотом космического корабля — я бы умер от счастья. Я бы приближал этот день изо всех сил, зубрил формулы, необходимые для прокладывания курса, изучал физику, и мечтал попасть в Звездный городок в космическую программу, чтобы уж наверняка все обещанное сбылось. И каково же было разочарование, когда почти ничего из того, о чем думал, представляя себе пилотирование космического корабля, мне просто не пригодилось. Мало того! Это так называемое пилотирование почти ничем не отличалось от того, чем я занимался прежде.

Путешествия по порт-лучу похожи на троллейбусные маршруты, проложенные в космосе. Сложности вызывают маневрирование и стыковки, в остальном — сбиться с пути почти невозможно. Все, как в авиации — сложны только посадка и взлет. Сперва необходимо «пристегнуться» к нужной «сети», задать несколько несложный команд — и космолет сделает все за тебя. Иногда я думал, что пилотирование оставлено на таких маршрутах формально, но оказалось всё дело в редких гравитационных аномалиях, с которыми нет-нет, да и приходится стал-

киваться в соседних галактиках, и в тенеплётах, нередко поджидающих незадачливых путешественников у крупных планет и их спутников.

Мне никогда не приходилось сталкиваться с этими созданиями (никак иначе назвать тенеплёт было нельзя). Они появлялись из ниоткуда и исчезали в никуда. Инструктор в Академии говорил, что вероятно их появление как-то связано с пресловутыми гравитационными аномалиями, а может быть, сами они — аномалия, но никаких подтверждений получить так, и не удалось.

Во всех инструкциях их обозначали, как порождений глубин космоса, окутанных тенями, которые сплетают из них сети, затягивающие неосторожные корабли малой массы в гравитационные аномалии и черные дыры. Большим крейсерам тенеплёты якобы не угрожали, только грузовым челнокам и туристическим шатлам. Я не мог взять в толк, какие такие в космосе могут быть тени, и как из них можно что-либо сплести, но предпочитал, во-первых, не задавать глупых вопросов, а, во-вторых, не кликать беду, сомневаясь в реальности опасности этих созданий.

Я хорошо запомнил слова одного из наставников в Академии: «если опасность вам еще не встречалась, это не значит, что ее не существует». Слова простые и очевидные, применимые ко многим жизненным ситуациям. Конечно, каждый больше ориентируется на собственный опыт, чем на сводки Службы безопасности полетов или новости о крушении космических кораблей. Мы все считаем, что нас-то нарочно пугают и опасность преувеличена. А что если и так? Бережёного бог бережёт, даже если у всех он свой собственный.

Налетать положенные часы на космическом челноке мне удалось быстро и без прощевитии. Как только все планеты, на которых мне довелось побывать, слились в череду бесконечно одинаковых заданий — Космоотряд № 41, к которому я был приписан, предложил повышение квалификации. Так как от монотонности перелетов по порт-лучу я успел подустать — согласился с радостью, и уже через полгода заимел карточку пилота-инструктора. Но на постоянной основе с этой специальностью у меня не сложилось. Если к себе я был особенно требователен, то с учеников «три шкуры спускал». Как заявили в Космоотряде, в подобных мерах не было необходимости, так что я вернулся к обычным «броскам», а инструктором работал лишь время от времени, когда возникала необходимость подменить кого-то из персонала.

Обращались ко мне нечасто, справедливо предполагая, что я им всю молодежь распугаю, но Анне Никитичне знать об этом было необязательно, так что Машу ждал не слишком веселый сюрприз.

Размышляя о предстоящем наставничестве, я вывалился в ночной полумрак. Среагировав на движение, в траве загорелись направляющие тропинок. Гулять в Бабайках было особенно некуда, но, как и всегда, меня тянуло к реке. Все мы такие люди, где бы не оказывались — вода зовет нас к себе. Мы любим смотреть на море, на то, как волна накатывается на волну, слушать, как шуршит ракушечник или мелкая галька. Река тоже подходит. Текущая вода успокаивает, черт пойми почему.

Юхоть — река не очень большая, извилистая, не слишком глубокая. Раньше ее любили туристы байдарочники, теперь из-за станции порт-луча она закрыта для посещения на изрядном участке, и мне кажется, что местной природе все это пошло только на пользу.

Автоматическая подсветка довела меня до самого берега, обозначила мостки. Я прошелся по ним, оглядывая темную, почти черную воду и непроглядный лес на другом берегу. Я точно растворился во всем этом осеннем великолепии, сливаясь с запахом прелой листвы, легкой мороси и темной водой под ногами.

Долго простоять там не получилось, пусть в бане я пропарился хорошо, но тело быстро теряло тепло. Я не стал надевать летное, чтобы пройтись, а в повседневном на улице было холодновато. Так всегда, чем дальше ты от большого города, тем меньше можешь себе позво-

лить находиться вне теплого помещения или обходиться без привычных благ. Вот либо комары и гнус, либо холод.

Анна Никитична посмотрела на меня с укором, поджала губы, и заново поставила чайник.

— Простудишься ведь, — прокомментировала она мое появление на станции.

— Мама меня прививала, — привычно отшутился я.

— Тем не менее, не забудь принять всё, что необходимо для профилактики. У нас тут никаких эпидемий, конечно, не было, но мало ли что! Вдруг кто какую заразу притащит, которую дезактивация не берет?

В подобное я не верил, но поспешил уверить бабу Нюру, что непременно приму надлежащие меры, в особенности, если на станцию еще хоть кто-то пожалует. И я, и Анна Никитична знали, что в течение ближайшего месяца мои перебросы будут единственными на Бабайках, но мы все равно играли в эту игру, и... наверное, мне нравилось, что на свете был такой человек, который заботился обо мне почти бескорыстно. Почти так же, как мои родители.

Такие незамысловатые ритуалы позволяли лучше структурировать собственную жизнь, снизить уровень тревожности, и, как говорили телевизионные спикеры, почувствовать себя в безопасности. Так, почему бы и да?

Дождаться открытия порт-луча для транспортировки мне предстояло не меньше недели. Изначально, когда я еще ничего не знал ни про очередь, ни про Машу, я отводил на Новые Бабайки не больше четырех дней. Но в этот раз все сложилось иначе.

Как объяснила Анна Никитична, к тому имелось несколько причин. Астрахань временно не принимала, то ли из-за карантина, то ли центральный узел вышел из строя, а грузовые челноки не стояли в приоритете для переброски.

«Такими темпами тут и месяц просидеть можно», — подумал я.

С другой стороны, мне-то что? Солдат спит — служба идет. Я был из тех счастливичков, которые попали на оклад, а не на сделку. И если когда-то мне казалось, что по деньгам я проседаю по сравнению с ушлыми и юркими суденышками, снующими туда-сюда от колонии до колонии, то теперь был уверен, что пословицу «тише едешь — дальше будешь» не зря придумали. Стало быть, за то, что я буду спать, пить чай, смотреть сериалы и читать книги мне еще и приплатят. Разве не замечательно? Хотя бы какие-то плюсы капитализма.

На четвертый день над Юхотью мне удалось увидеть изумительный по красоте закат. Даже Анна Никитична вышла посмотреть и немного поснимать не то для своего цифрового альбома, не то просто так, для души. Она курила папироску и выглядела задумчивой, когда мы оба глядели с мостков вдаль, туда, где за непроглядным лесом догорало октябрьское солнце.

— Знаешь, почему я не стала молодиться, когда протерианцы выдали технологию?

— Почему?

— Я считаю, что должно оставаться в мире что-то незыблемое. Какая-то точка координат, к которой ты будешь привязан. Пусть не навсегда, но хотя бы надолго. Я привыкла к себе такой. И так, как чувствую себя удовлетворительно, не вижу смысла что-либо менять.

— А как же социальные ритуалы?

Селиванова поморщилась.

— И они тоже. Но, мне кажется, что даже Юхоть на моем веку еще может изменить русло, а вот в зеркале я буду всякий раз оставаться собой.

— Глубоко.

— Папиросу будешь?

— Не вижу смысла курить без какого-либо эффекта.

— А какой тебе нужен эффект, Родя?

— Самоуничтожение, рефлексия и это всё.

- Над этим потрудится время. Так что?
- Не. Не хочу привыкать.
- Как знаешь.

Мы постояли еще немного, и тут я заметил, как в небе зажигаются первые звезды. Казалось, что они становятся ближе и больше. И вот их уже не две, а три, четыре, восемь... я не сразу понял, что вижу габаритные огни еще одного корабля...

«Вот и Маша», — подумалось мне, и Анна Никитична почти сразу подтвердила мою догадку.

Корабль, который пилотировала девушка, был низкоорбитальным гражданским суденышком. Старая модель мини-челнока, на который и права не нужны, так — разрешение от родителей и регистрация в реестре маломощных летательных объектов (МЛО). Последнее время в сети много говорили о том, что и на такие «корытца» необходим специальный допуск, но пока всё оставалось на том же месте, и никто не хотел классифицировать низкоорбитальный хлам, который крутился вокруг Земли и Луны круглосуточно. Где-то я даже видел комментарий одного из диспетчеров, что, дескать, сами отвалятся: либо изживут себя, либо будут проглочены тенеплётками.

МЛО приближался неспешно, заложив широкую дугу, для того чтобы погасить скорость, а после он мягко пристыковался к нужному шлюзу. Я про себя отметил, что пилот справляется в неплохую, никуда не торопится, и не стремится продемонстрировать что-то эффектное. Либо уже бывали летные инциденты, либо конкретное МЛО в управлении у Марии находилось недавно.

— Только не заставляйте меня проходить карантин! — послышалось из динамика, едва мы с Анной Никитичной вошли в рубку.

— Никаких исключений! — строго ответила Селиванова. — Все процедуры, как и положено!

— Я даже в стратосферу не поднималась! — Маша все еще пыталась переломить дело в свою пользу. — Просто от деда Анисия лечу!

— Не имеет никакого значения! Ты с вирусами контактировала, все спецсоставы должны сработать!

Вот так и получилось, что выхода Маши из «заточения» мы прождали еще сорок восемь часов. Я иногда поглядывал на нее и корабль в мониторы, находя девушку вполне привлекательной, и довольно неглупой.

В копилку плюсов добавился и тот, что Мария не пыталась связаться с Анной Никитичной, после оглашения окончательно вердикта, не присылала грозных сообщений, а каждый день проделывала простой комплекс упражнений, читала, отсыпалась и смотрела сериалы. Видимо, Селиванова не все рассказала про свою гостью. Я все больше склонялся к мысли, что у Маши или что-то случилось с документами или с регистрацией, в связи с чем, и понадобилась новая. Что ж... в любом случае, до открытия окна на переброску по порт-лучу я был совершенно свободен, поэтому, как и Анна Никитична, почти с нетерпением дожидался гостыи.

— Привет, баб Нюр! — воскликнула Маша, едва герма за ее спиной была задраена. Они обнялись, после чего, девушка всучила Анне Никитичне увесистую термосумку, быстро протараторив: — Тут вот дед Анисий тебе всего передал. В том числе клубнику, перетертую с сахаром, гидропоника поперла в этом году, как ни в себя, он до сих пор ягоду снимает.

— Вот это ничего себе! — усмехнулась Селиванова. — А чего ж не продает?

— С цветом не вышло.

— Ты что ли поспособствовала повышению урожайности?

— Есть такое... поэтому и цвет гм... получился не очень.

Наконец, Мария заметила меня, кивнула, изобразив подобие улыбки, и проговорила обязательное:

— Здравствуй.

Я заметил, что она была невысокой, ниже меня на голову. Ее русые прямые волосы едва касались плеч, а серые глаза смотрели настороженно, но в них чувствовался живой, цепкий ум. Ей было за двадцать, иначе никто разрешил бы ей сдавать на пилотное удостоверение, но выглядела Маша моложе, особенно когда улыбалась.

— Добрый день! — поздоровался я. — Родион Владимирович Громов, пилот-инструктор межзвездного гражданского флота 4-го ранга.

— Очень приятно, — ответила Маша, — Мария Анатольевна Ким, не потому что из Кореи, а потому что коммунистический интернационал молодежи. Так дед захотел.

— Повезло, — ляпнул я, просто потому что нужно было что-то ответить.

— Пойдемте пить чай! — Маша спасла ситуацию, поскольку такого странного знакомства у меня еще не случалось.

И наше странное и скомканное знакомство напомнило мне, что после того, как Земля наладила контакты с протерианцами и вышла на межгалактическую арену в качестве перевозчика и ресурсоснабжающей планеты, все межличностные отношения стали проще и сложнее одновременно.

Обозначать намерения прямо стало общепринятой нормой, но учитывая ультракапиталистический строй, в который мы упорно скатывались, образовывать семью — новую ячейку общества — было невыгодно. Конечно, о продолжении рода думали все, но возможность омоложения, продления срока жизни, общая ориентированность на достигаторство — вносили свои коррективы. Мало кто из моих сокурсников из Академии успел обзавестись семьей. Все лишь шли к этой цели, сколачивая первоначальный капитал, и готовясь к неизбежному падению уровня жизни и расходам.

Мне было проще. Я думал, что найду подходящего по уровню партнера как-нибудь потом, и условия будут взаимовыгодными. Не зря же еще в то время как космические перелеты по порт-лучу были доступны не всем, я выучился на пилота. С детства чувствовал себя комфортно в ситуациях, требующих повышенной концентрации внимания и с удовольствием зависал над шахматным компьютером, интересной книжкой с детективным романом и не терялся, если родители ссорились, стараясь найти аргументы в пользу одной или другой стороны.

Словом, я не очень хорошо понимал, как могут возникнуть внезапные отношения, согласованные с импульсом, который неподвластен разуму. То есть, по любви. Лет до восемнадцати я переживал, что лишен чего-то особенного. Чего-то такого, что понимают все вокруг, но только не я. В книгах писали о том, что человек несчастен и путь его полон страданий, если его никто не любит и никто не нуждается в нем.

Мне казалось, что я чувствую то же, и мне не будет суждено испытать пылкой страсти со стороны кого-либо, потому как заурядная внешность и отсутствие солидной материальной базы не позволят выделиться из других претендентов. Сейчас вспоминать об этом было смешно, хотя бы потому, что так оно и случилось. Но протерианцы внесли в нашу мораль забавные коррективы, так что взаимовыгодные отношения с сокурсницей в Академии длились весь период обучения, и я ни о чем не жалел, считая такой расклад единственно верным.

— Не удивляйтесь, что у меня фамилия Ким, — Маша продолжила тему. — Отец ушел за хлебом, да так и не вернулся. Так что я могу только поблагодарить деда Анисия за такой подарок.

— А как мама отнеслась? — уточнил я, наполняя небольшую креманку душистым вареньем.

— Нормально. Она хотела, чтобы и отчество у меня было, как у нее, но боюсь двоих Анисимовных наша планета не выдержит.

Аромат клубники быстро заполнил кухню. Цвет у варенья был и в правду необычный. Фиолетово-зеленый, если быть точным. Вряд ли, даже получи такой продукт сертификаты соответствия, кто-либо стал бы его покупать. Но на вкус клубника, перетертая с сахаром, оказалось просто божественной.

Мне вспомнилось, как моя бабушка варила «пятиминутку» на даче, как такой же точно щекочущий ноздри запах заполнял деревянный дом, и, как мелкий я, прибежавший с прудов, не мог дождаться, пока первая порция варенья остынет.

Анна Никитична хлопотала усерднее обычного. Вот уже перед нами появилась горка восхитительно пышных оладий. Конечно, блюдо было из серии «восстановленные и такие же вкусные», но я уже давно научился не замечать одинаковости привкуса цеха изготовления. Когда долго ешь готовую еду, привыкаешь, что все блюда, неважно из птицы, мяса или рыбы — чем-то похожи. Это плата за безопасность и свободное время.

Но, то ли клубничное почти что варенье, то ли особенная атмосфера, неожиданно поселившаяся на станции, сделали те самые оладьи какими-то особенно вкусными. Маша рассказывала об обучении на биологическом факультете. Сетовала, что чем больше проходит времени, тем меньший доступ студенты имеют к растениям и испытательным полигонам.

— Чем меньше у тебя опыта, тем больше возможностей совершить ошибку, — заключила она, макая очередную оладушку в фиолетово-зеленую жижу, — но хуже другое. Теряется интерес. А значит, со временем будет сокращаться видовое разнообразие растений и животных на нашей планете, не важно, из-за нерентабельности, ошибок или лени ученых в поддержании разнообразия.

— Не, ты верно заметила, — отозвался я, — именно нерентабельности. Та система, в которую мы все втиснуты ориентирована не на разнообразие, а на унификацию.

— Вот забавно, — усмехнулась Анна Никитична, — а когда-то в том же самом упрекали коммунистов.

— Капитал стремится к унификации по другим причинам. Разнообразие не рентабельно, если из него нельзя извлекать прибыль и сверхприбыль. Ну, а когда рынок исчерпан... сами понимаете.

— Почти, как после крушения Советского союза. Сперва мнимое изобилие, а потом потеря суверенитета.

Мы с Анной Никитичной покивали друг другу, а Маша посмотрела на нас с нескрываемой скукой. Впрочем, дальше беседа пошла бодрее. Последние новости обсуждали довольно бурно. Повышение стоимости на энергоносители, топливо, продукты и прочее — никому не нравится, и уж тут, и баба Нюра, и Маша и я сошлись в том, что «они там вообще офигели!».

— Новостные ленты вообще можно не открывать перед новым годом, — выдохнула Маша, — без них ясно, все на хрен подорожает!

У меня не было настроения делать ей замечание, раз уж Анна Никитична не стала, значит все в порядке. В мужской компании, как правило, мы говорим на несколько другом языке, но в среде пилотов все еще остались некоторые неписанные законы, где команда не имеет различия по половому признаку только в полёте или в рейсе, а в остальном — каждый следит за своим языком и при дамах не выражается.

Конечно, когда я был студентом и обычным школьником — любое сквернословие считалось особым сокровенным ритуалом, который приближает ко взрослому миру. Итак, я здесь. А ритуалы не помогли. Пока я никак не приблизился к тому, чтобы понимать эту жизнь хотя бы на уровне собственных родителей или Анны Никитичны Селивановой.

Глава 3.

Дни в ожидании очереди на транспортировку потекли своим чередом. Конечно, я мог воспользоваться модулем, которых было в достатке на Станции, и слетать в столицу, мог бы попросить МЛЮ у Марии Ким, слетать в Москву или Питер, разгрести какие-то накопившиеся дела, но в рейсе я привык к выполнению поставленной задачи, а не набору случайных факторов.

Наверное, я был несколько суеверным, а, может, излишне правильным. В Академии, когда нас уже аттестовали, один из опытных пилотов рассказывал, что в рейсе часто случались какие-то неприятности, если он отклонялся от курса. «Мы как будто доказали отсутствие Бога, и в то же время утвердили его в правах, — говорил он, — иначе, как можно объяснить такое? То опасные для груза бактерии на борт занесешь, то сам во что-нибудь вляпаешься и вместо четырех дней — теряешь все десять в ожидании окна на порт-луч».

Пилоты в принципе суеверный народ, и каждый из нас полагает, что суеверен кто-то другой, но точно не он сам. На деле — оказывается, что в кабину самолета с левой ноги никто не заходит, и к штурвалу или джойстику левой рукой никто не прикасается при разблокировке управления, а так, нет, совсем не суеверны, что уж там!

С межпланетными перелетами, как объективных, так и субъективных страхов прибавилось. Раньше только и разговоров было, что о квантовых двигателях или гипердвигателях, которым стоит только появиться — и уж земляне вырвутся из своей колыбели, покорят другие миры. Но, как это часто бывает, все случилось иначе.

Протерианцы принесли свои технологии, основанные на экзотической материи, под названием кох. Для нашего уха звучало не очень, но эта самая материя, закованная в прозрачные цилиндры, более всего напоминала недожаренные кофейные зерна и выполняла роль почти бесконечного топлива для тех самых перемещений по порт-лучу.

Именно кохи обеспечивал искривление пространства-времени, благодаря чему и работали двигатели кораблей межпланетного флота. И хотя физику процесса я до конца не понимал, но, мне казалось, что невооруженным глазом видел, как при их запуске вокруг корабля возникает особенное, словно облако, поле, которое создавая эффект «супертяги» и позволяет кораблю двигаться с околосветовой скоростью. Для броска по порт-лучу большего и не требовалось. Такие лучи, протянутые через всю галактику, делали все остальное, выталкивая корабли дальше.

Те инструкторы, что обучали нас в Академии, между собой говорили, что если долго вглядываться в то самое «облако», окружающее твой звездолет — можно увидеть его же, повторенного тысячи раз, и каждое такое «отраженное повторение» имеет больше искажений, по сравнению с оригиналом, пока не превратится в непонятную субстанцию со щупальцами.

Считалось, что топливо условно бесконечно, но поговаривали: для порт-лучей его требуется немало. Откуда берутся кохи — нам было неизвестно. Мы должны были стать пилотами, а не добытчиками. Да и стали бы протерианцы просто так делиться технологиями? Из учебника по летному делу я запомнил лишь пару строк: где-то на отшибе, вокруг планеты Элиостра, простирались гигантские кольцевые устройства, похожие на адронные коллайдеры. Они охватывали планету, как обручи, и там, будто бы, путём кантового распада создавалось топливо.

В курилках кто-то предполагал, что из-за детонации кохионов космические корабли могут перейти в состояние «кота Шредингера», и именно тогда появляются тенеплёты, только никаких доказательств этому утверждению, конечно же найдено не было.

Я рассматривал земную квантовую механику, как разновидность алхимии, и если эксперименты и могли что-либо доказать, то теоретические выкладки у меня не вызвали особенного доверия, но, я буду честен, в моей повседневности куда более значительную роль играла цена дозаправки моего челнока или вовремя полученное жалование, чем какие-либо новости из научного мира.

Если уж моя действительность ваяла из человека потребителя, то я был готов с головой окунуться в море выживания, и пусть и ругал существующий уклад и правила, по которым приходилось проживать каждый день, но старался не выбиваться из общей массы.

— Ты не выглядишь бездарным пилотом.

Этот разговор в любом случае должен был состояться. Чем больше я проводил времени на станции в Бабайках, чем больше общался с Машей, тем больше вопросов у меня появлялось.

— Мне нужно новое удостоверение на конкретную модель МЛЮ, — просто ответила Маша.

— Ты что-то натворила?

— Нет, — она ответила поспешно, и тут же пожала плечами, — не больше, чем все.

— Дед поэтому сменил тебе фамилию, чтобы в реестре не совпало?

— По радужке и отпечаткам пальцев все равно совпадет, да и фамилию я поменяла не вчера.

Когда я задал провокационный вопрос — Ким оставалась расслабленной, говорила обычным тоном, так что я не заподозрил никакой лжи. Думаю, что Маша понимала, почему та подробно расспрашиваю. Выдать летное удостоверение лицу, находящемуся в розыске или под следствием — чревато. Но, все равно, ощущение неправильности происходящего не отпускало меня. Я чувствовал, как сжимается во мне пружина подозрений на счет Маши и Анны Никитичны. Но нужно было с чего-то начать, не все же время бежать от проблемы.

— Часа тебе хватит на подготовку? Думаю, уже можно совершить первый вылет, — предложил я.

— Хватит. Скоро буду готова, — ответила Маша и почти тут же отправилась в свой отсек сменить повседневную одежду на летный скафандр.

Индустрия, в том числе и земная, двигалась в ногу со временем. Еще недавно скафандры были прерогативой одного или двух-трех предприятий. Не было унифицированной формы. Собственно, костюм для отправления космонавта на орбиту представлял собой мини космический корабль, в котором человек должен был выживать, подвергаясь губительному воздействию радиации, безвоздушного пространства и чудовищного перепада температур. Кроме того, все скафандры делались под конкретного человека, во всяком случае, в России, и обеспечивали максимальную выживаемость и безопасность.

С приходом протерианцев всё изменилось. Космофлоту понадобились не только промежуточные станции для порт-луча, но и переоснащение всей индустрии. Без реверсивной инженерии с нашей стороны не обошлось, но теперь все земные космонавты, астронавты и исследователи ближнего и дальнего космоса — могли похвастаться легкими и универсальными скафандрами. Да-да, они оказались примерно такими, как рисовала наша фантастика в девяностых годах XX века, разве что более удобными и менее сексуализированными, хотя, полагаю, против этого пункта никто бы не выступал.

Через общий динамик Маша оповестила, что МЛО готов к работе, как и она сама. Я поспешил облачиться в скафандр, и направился к ее парковочному отсеку. Всё, как и предполагается: прошел обработку, шлюзование, и уже очень скоро ступил на борт.

Изнутри орбитальник оказался еще меньше, чем я думал сначала. В ее корабле было больше грузовых отсеков, ящичков, полочек и спецконтейнеров, чем места для работы. Поморщившись, я занял место штурмана, и, подключившись к нейро-интерфейсу, прошел идентификацию.

Если сравнивать современные технологии и первые нейро-импланты, то можно прийти в ужас от того, как еще пятнадцать лет назад работали такие устройства. Больше всего это похоже на забивание гвоздей микроскопом, но сегодня мы не представляем себе ничего более привычного, чем нейро-интерфейс, который не только идентифицирует мыслящую форму жизни на карте Содружества, но и позволяет использовать инфраструктуру любой планеты.

Конечно, не везде данная технология оправдана, мы все еще жмем на физические кнопки и дергаем за рычаги, когда речь идет о системах безопасности, но, в остальном, мысль быстрее действия, и там, где это рентабельно, все пользуются нейро-интерфейсом.

Орбитальник, на котором прилетела Мария, отрывался от стыковочного модуля медленно, как будто с лентой. Я сразу отметил устаревшую систему связывающих его с пилотами волокон, но не стал ничего говорить. Все мы с чего-то начинаем, и иногда медленно — не значит плохо. Как раз эта неторопливость позволит мне, как можно более объективно оценить навыки Марии Ким.

— Объясняй, что, как и почему ты делаешь. Можно через нейро, — сказал я.

— Угу, — ответила Маша.

Тут же в моем сознании возникло повторение основ маневрирования на малых высотах, предупреждения об оценке двигателей малой кох, правила швартования малых летающих объектов, и прочее. Мария неплохо знала теорию. Теперь мне нужно было задать несколько нестандартных вопросов и проверить ее способности к управлению МЛО в нестандартных условиях, чтобы подать в сеть заявку на сертификацию Ким. Но совершенно неожиданно на горизонте показались фиолетовые огни Государственной службы рестрикций.

Эти легкие маневренные и быстрые корабли сложно перепутать с чем-либо. Они передвигаются на пределе возможности кох, оснащены новейшим оружием и не церемонятся с нарушителями, имея полное право устранять и предотвращать правонарушения от имени всей Земли, а не каких-то отдельных государств.

Служба рестрикций выше полиции, представителей вооруженных сил, ФСБ и Интерпола. Только они имеют право на использование фиолетовых фар и огней, и уж точно не появляются просто так на захудалых станциях переброса. Черт знает, почему они получили такое название, для себя их полномочия я расшифровывал, как: «сужение полномочий граждан до нуля за кратчайший миг, включая неотъемлемое право на жизнь».

— Они что здесь забыли? — пробормотал я.

Маша еще не видела фиолетовых огней, но мое беспокойство, то ли через нейро, то ли само по себе передалось и ей. Мне казалось, что за долю секунды мой мозг запустил резервный генератор и разогнал ЦП до предела.

Ким не могла появиться случайно. Инцидент с Тимирязевской академией не исчерпан. Стал бы тот самый Анисий просить у Анны Никитичны настоящий кофе, если бы уже получил зерна от своей внучки? Ким совершила что-то противоправное. Что-то угрожающее безопасности планеты.. даже не так — протеринского бизнеса. Ее не сразу выследили, возможно, как раз из-за смены фамилии, а может, она покинула допустимую зону, в которой должна была

находиться и сейчас в опасности не только она, но и все те, кто помогал Маше, контактировал с ней и снабжал всем необходимым.

— Понятия не имею, — поспешно и безразлично ответила Маша на мой вопрос.

— Они пришли за тобой? — я продолжал давить, забирая управление орбитальником, отдавая команды через нейро.

— Может, просто проверка?

— Ристрикция никогда не прилетает исполнять обязанности участкового. Что ты натворила?

Маска слетела с Маши в один момент. Она дернула ручку управления, но тут же осознала, что МЛО не подчиняется ее воле, ведь она послушно отдала мне права инструктора и позволила подключиться к нейро-интерфейсу корабля.

Ее молодое, красивое лицо, чем-то напоминающее облик уточненных дам прошедших эпох, изменилось. По нему пробежала волна понимания, а через долю секунды оно исказилось злобой. Острые морщины прорезали лоб и нос. Серые глаза стали холодными и в них можно было разглядеть сильную досаду и страх.

Я видел ее отражение через нейро, и думал, что если бы мы все ещё управляли космолотом по старинке — Маша могла бы совершить какой-то необдуманно дикий маневр, или вовсе направить орбитальник к земле под немыслимым углом, но нейро-интерфейс позволял гораздо быстрее обрабатывать сигналы и отдавать команды. Я лишь иногда жалел, что не подключенные к мозговым волнам механизмы не всегда ощущались, как продолжение собственного тела, хотя на протяжении нескольких десятилетий фантасты именно так представляли себе принцип подобного управления.

Не знаю, на что я рассчитывал, остановив МЛО. Фиолетовые огни стремительно приближались, хотя корабли Государственной службы рестрикции разглядеть пока что не удавалось, и никаких сообщений от них мы не получили, но я надеялся, что признание Маши смягчит и мою и ее участь. Однако, в следующий момент, девушка решительно отстегнула ремень безопасности, буквально выдрала из затылка штекер нейро, и в два шага приблизилась ко мне, после чего решительно наклонилась и поцеловала в губы, я даже не успел выставить вперед руки, поскольку все еще сжимал ручку физического управления кораблем.

— Я инфицирована. Теперь ты тоже. Умереть, не умрешь, но эти ребята тут вовсе не за тем, чтобы кого-то арестовывать или аннигилировать к чертям.

— Т-ты что натворила? — выдохнул я.

— У меня не было выбора. Есть вирусы, которые передаются от растений человеку. Они хотят посмотреть, чего там во мне созреет, а я — нет.

— И к-какой у тебя вообще был план?

В мои планы не входило прожить всю жизнь запертым в лабораторном комплексе. И вдруг каким-то особенным смыслом и всем прочим наполнилась и моя работа, и свобода передвижений, и свобода выбора, как того, что можно съесть на завтрак, так и куда отправиться в отпуск.

Совсем еще недавно я был обижен на неутомимую капиталистическую машину, перемалывающую в своих жерновах любого работающего человека, требуя с него с годами все больше и больше, чтобы не скатиться на самое дно, а сейчас... сейчас я был готов практически на всё, чтобы вернуться обратно и примерно никогда не знакомиться, ни с Анной Никитичной, ни с Машей Ким.

— Передай управление, — процедила Маша сквозь зубы.

— Насколько я могу доверять человеку, который заразил меня мутировавшим вирусом?

— Если хочешь жить, то процентов на сто пятьдесят! — рявкнула она.

Не знаю, что убедило меня больше — изменившийся тон, или корабли ристрикторов, стремительно набирающие скорость, но я отдал команду нейро-интерфейсу передать управле-

ние, и заблокировал все входящие сигналы, чтобы нас не заставили совершить посадку дистанционно. Что-то подсказывало мне, что я еще сильно пожалею об этом.

Глава 4.

Получив управление, Маша засыпала несчастный орбитальник валом команд через нейро. Хотя у меня уже не было возможности углубиться в код, так как режим инструктора был отключен, но судя по тому, как надсадно взревели двигатели — к установленному стандарту команды отношения не имели.

Корабль поднял нос и резко ушел в небо. Ристриктеры рванули за нами, но Мария, видимо, уже проделывала этот трюк прежде, выжав из орбитальника максимум, заставив почти все индикаторы свалиться в красную зону, она рубанула питание и, я клянусь, это были худшие секунды свободного падения в моей жизни. За это время наш корабль сделался невидимым для преследователей, и послал один единственный сигнал на длинных частотах на Станцию. Что-то вроде модифицированного «Mayday».

Ристриктеры пронеслись в считанных метрах от нас, выжав все из движков, и когда они оказались над крышей стилизованной русской избы в Бабайках — из нее вверх ударил испепеляюще яркий луч. И если бы не затемненные иллюминаторы и главный экран консоли в МЛО — вряд ли сетчатка человеческого глаза пережила бы такое.

На многие километры вокруг стало светло, как днем. Анна Никитична сделала всё идеально. Протерианцы открыли возможность перехода по порт-лучу, а ристриктеры пренебрегли посылаемыми сигналами и не успели выйти из опасной зоны.

Я никогда не видел даже со стороны, как врубают канал перехода. Еще в Академии нам вдолбили в головы, что нельзя находиться ближе, чем в двух километрах от предполагаемого места открытия порт-луча во время работы установки, если пилотируемый корабль не пришвартован.

Слов у меня не осталось, как и каких-либо комментариев, я только иронично заметил:

— Если ты хотела получить права на МЛО, полагаю, ты сдала на высший балл, который только возможен.

— Заявочку оформите в следующий раз — хмыкнула Маша, — у нас меньше часа, чтобы убратся отсюда.

— К-куда? — тупо спросил я.

— На Кудыкину гору.

Как только мы прошли шлюзование, я хотел было накинуться на Селиванову с обвинениями, с тем, чтобы она немедленно связалась с властями, с обещаниями, что я дам свидетельские показания против ристриктеров, но лишь в том случае, если вся незаконная деятельность немедленно будет прекращена. Однако стоило мне набрать воздуха в грудь, как голова почти сразу очистилась, как если бы мне переброска по порт-лучу предстояла прямо сейчас, и нельзя было терять времени даром. Собственно, так оно и было. Только лететь-то было особенно некуда. Если и я, и Маша были заражены неизвестным вирусом, то на следующей же станции нас снимет местная служба рестрикции. По крайней мере, для допроса уж точно.

— И какой у вас обеих план на ситуацию ФУБР? — грозно спросил я, понимая, что мы теперь в одной лодке.

— Берем «Бусю» и валим, — абсолютно спокойно ответила Анна Никитична.

— Куда?! — едва не заорал я.

— Куда ты там должен был лететь?

— У меня точка заброса — это галактика Андромеды, там я должен разгрузиться на Псин-1, забрать груз с Псин-3 и направиться обратно.

— Вот так и поступим.

— А ристрикторы, которых... которые... аннигилировали?

— Какие-такие ристрикторы? — Анна Никитична всплеснула руками. — Мы никаких сигналов не получали, и сообщать Бабайкам не о чем. Пусть ищут, кто у них там пропал.

— Мой челнок не предназначен для долгих межпланетных экспедиций.

— А он, Родя, никуда и не полетит.

Никому не нравится, когда за него принимают решения. Помню, я тоже ненавидел родительские нравоучения и наставления учителей, однако повзрослев, напротив, нередко искал на кого бы переложить ответственность за свои косяки, а желательно, и за собственное благополучие.

«Мужчина должен!» — слышалось со всех сторон, а часто не мог понять, где успел так нагрешить, что по факту половой принадлежности имею повышенные обязательства перед вселенной? Я же соблюдаю уголовный кодекс, чту, так сказать, налоговый, чего вы еще от меня хотите? И вот, когда удалось выдохнуть, и пусть с издержками, но моя повседневность вошла в привычную рутинную колею — случается э т о.

«Ты же мечтал повиноваться судьбе и ни о чем не думать? — ехидно заметил внутренний голос. — Кушай, не обляпайся!».

Я мог возражать. Наверное, мог даже попытаться убежать, вероятно, чтобы связаться с властями, но я не сделал ни одного движения, чтобы хоть как-то помешать рискованному плану двух отчаянных женщин. Возможно, потому что хотел убедиться, что он не сработает, и нас все равно арестуют, а, возможно, в тайне надеялся, что что-то получится, и тогда рутина перестанет быть такой уж привычной и серой. Разве не все мы хотим хоть что-нибудь изменить, но остаемся на месте?

Анна Никитична, точно всю жизнь ждала именно этого момента. Она спешно набирала какой-то простенький код в допотопном редакторе. Признаться, я вообще не знал, что такие программы еще кто-то использует, как и такие лаптопы (иначе и не назовешь того монстра, что появился на ее рабочем столе из захламленного ящика).

После запуска нехитрой программы, вся станция пошла мелкой дрожью. Маша спешно откинула кусок ковровина, закрывающий протертый деревянный пол. И тут я понял, что это вовсе не столетний сруб, а эффектно замаскированные фальшь-панели, которые тут же разъехались в стороны, открывая спуск вниз.

— И что там? — тупо спросил я. — Надеетесь отсидеться в бункере с закрутками?

— Вообще-то улететь, пока работает порт-луч, — парировала баба Нюра.

После чего мы все спорю и не сговариваясь заторопились вниз.

Я, конечно, подозревал, что Анна Никитична, как и все пенсионеры, была запасливой женщиной, но сохранить и, по-видимому, доработать малый межпланетный корвет, да еще в погребе — это уметь надо.

Наверное, сама станция в Бабайках была построена сверху ангара, ну, или чего-то вроде того. Возможно, в ангар имелся и другой вход, но сейчас все эти «мелочи» не имели уже никакого значения. На этом самом корвете нам предстояло двигаться строго по порт-лучу, а возможно это было лишь из подобной позиции.

Многое становилось яснее: и для чего станционному корпусу порт-луча мобильность, и как он выдерживает такие запредельные уровни энергетических нагрузок, и по какой причине Анна Никитична отказывалась переводиться на более перспективный участок, поскольку оператором была неплохим, и, кажется, даже заслуженным.

Первые космические корабли, которые землянам удалось скопировать у протерианцев, выглядели именно так. Неповоротливый нейро-интерфейс без искусственного интеллекта и

корректировочных программ, ламповое (в прямом смысле) оборудование, и кое-где шлейфы буквально собранные из того, что было под рукой и на складе. Эдакий ретро футуризм в наши дни. В Академии мне попадались такие один или два раза, но когда транспортники уже вошли в полную силу — ничего подобного по порт-лучу уже не перемещалось, а вот теперь мне предстояло управлять именно такой штукой, в рубке которой, вообще-то полагалось находиться двум пилотам одновременно.

— Э... — сказал я, — занимая предложенное Анной Никитичной место, — а кто из вас вообще летал на таких штуках?

— Как-нибудь справимся, — отмахнулась она, занимая соседнее кресло.

Как я и думал, у Марии опыта управления корветами не было. Возможно, что кроме МЛЮ она ничего и не пилотировала, хотя судя по тому, как ловко управилась с орбитальником — какие-то навыки все же имелись. Тем не менее, когда мы с Анной Никифоровной выводили корвет на расчетную мощность, я опасался, что нам или не хватит топлива или места для совершения маневра.

— Не бойсь, — усмехнулась Селиванова, — тут все рассчитано до миллиметра.

— То есть вы предполагали, что в один из дней вам будет необходимо покидать Землю в спешке на допотопном корвете?

— Человек предполагает, а Бог — располагает, — заключила Анна Никитична, перекрестилась, и запустила двигатели.

Мне очень хотелось поинтересоваться, не возникает ли у бабы Нюры логического противоречия? С одной стороны кохионные двигатели сейчас потащат нас по порт-лучу в другую галактику, а с другой — крестное знамение должно защитить ... даже не знаю... от внезапных поломок, от направленных за нами групп ристрикции, и от тенеплётов, конечно? Но я смолчал. Во-первых, пилотам под руку не говорят, во-вторых, мне тоже было чем заняться: я проверял топливные элементы на скорость реакции, сводил таблицы крена и тангажа к нужным значениям, тестировал летную готовность и остальные системы. Признаться, я вообще отвык, что такие вычисления нужно производить, что они не происходят сами собой, как на всех современных кораблях, челноках, катерах, орбитальниках и пр.

На луч корвет садился долго. Это не мой транспортник, а большой неповоротливый в условиях атмосферы, корабль. Я споро пробежал глазами по оборудованию на борту и приходил к выводу, что мы готовы не только на протяжении года дрейфовать в Магеллановом облаке или, если понадобится, отбиться от пиратского флота. Почему-то в момент постановки на луч, мне меньше всего хотелось вступать с Анной Никитичной в перепалку, как и узнавать законность владения арсеналом на борту, включая гравитационные и антигравитационные торпеды.

— Корвет на порт-луч установлен. Плотность и масса согласованы. Координаты переброса введены, — передавал я по нейро.

— Отдать швартовый!

— Есть отдать швартовый!

— Герметизация!

— Есть герметизация!

— Малый ход до прыжка.

— Есть малый ход.

— И пять, и четыре, и три, и два, и...

К передвижению по порт-лучу никогда нельзя быть готовым полностью. Конечно, это похоже на поездку на трамвае или троллейбусе, но лишь с той оговоркой, что происходит она на около световых скоростях. Пожалуй, это насколько похоже, настолько и нет. Например, сначала возникает сильная перегрузка. Чем новее корабль, тем она ощущается слабее и меньше, но на

корвете бабы Нюры меня вдавило в кресло так, как будто я на симуляторе сделал на боинге бочку.

Я смутно надеялся, что Маша не додумалась встать из своего штурманского и не забыла пристегнуться. Честно говоря, у меня не было времени для того, чтобы проверять, все ли выполнили элементарные правила предполетной подготовки.

Чем дальше продвигался корвет по порт-лучу, чем острее я чувствовал утрату: транспортная станция Бабайки больше не существует, все мы, скорее всего, будем признаны погибшими, если на Андромеде нас не встретят ристрикторы, а еще — мы не захватили ту некрасивую, но чертовски вкусную клубнику, перетертую с сахаром.

Глава 5.

Кохионный двигатель работал исправно. В иллюминаторы можно было совсем не заглядывать, но и Анна Никитична, и Маша нередко поворачивались к ним от контрольных экранов из чего я сделал вывод, что для обеих полет по порт-лучу случился впервые.

Вначале это, действительно, завораживает. Космический корабль, охваченный белоснежным свечением, разрезает пространство-время и движется неумолимо вперед и вперед, до следующей точки, где очередная станция вспыхнет маяком за пару часов до приближения и станет путеводной звездой, чтобы путешественники или торговцы не сбились с курса, а прибыли туда, куда следуют.

Кто-то говорит, что кохи заставляют двигаться не сам корабль, а пространство-время вокруг него, и я склонен этому верить, но смотреть, откровенно говоря, не на что. Картинка не меняется часами, если только, не приведи небо, не привяжется тенеплёт, однако на контролируемых протерианцами трассах такого по официальным данным почти никогда не случалось.

Не помню, сколько точно прошло времени, прежде чем я решился на серьезный разговор со своими нечаянными спутниками. Я прикидывал и так, и этак... теперь мы все в одной лодке, но вводных не доставало для того, чтобы принять какое-либо решение.

Одно неправильное я уже точно принял, подспудно согласившись участвовать во всей этой аванюре. Да, у меня был шанс поступить иначе, но любопытство пересилило страх, а может, вовсе не любопытство, а подсознательное желание попробовать что-то еще, хотя бы и под натиском обстоятельств, попробовать перестать плыть по привычному ручейку, и испробовать бурлящую реку.

— Раз уж мы все в одной ж... лодке, не соблаговолите ли вы, милые дамы, раскрыть мне суть заговора и план наших дальнейших действий?

Я говорил нарочито сурово, чтобы отчасти разрядить обстановку, а отчасти успокоиться. Все на словах герои, а, когда наступают исключительные обстоятельства, оказываются исключительно к ним не готовы.

— Родя, — выдохнула Анна Никитична, — я почему-то была уверена, что ты нас не подведешь.

— А если бы подвел? Я до сих пор, откровенно говоря, не до конца понимаю, что именно происходит.

— Это не вчера началось...

— У нас достаточно времени, чтобы действовать с холодной головой. Начните с самого начала. Обе. Желательно, с вируса, а то я до сих пор не понял, мы все сразу умрем или немного помучаемся?

Маша едва заметно улыбнулся. Я решил, что это хороший знак, но не подал вида, ожидая подробного рассказа. Конечно, этот фарш невозможно провернуть назад, но важно знать, где остановиться и ради чего это всё.

— Не только мы, как это нетрудно понять, экспериментируем с геномом. И если на Земле такие исследования в основном под запретом, то на протяжении порт-лучей встречаются разные планеты. Мораль многих народов совсем не похожа на нашу, — начала рассказывать Анна Никитична.

— Им не мешает религия?

— Можно сказать и так. В нашей жизни религия... вернее, ни одна из религий уже не играет прежней роли, но, пусть и номинально, до сих пор является тем самым регулятивным механизмом, который не дает совсем уж скатиться.

Мы все еще рождаем детей, не живем столетиями и не взяли на вооружение путь выведения дизайнерских людей, если так можно сказать.

— Вообще-то никаких гарантий нет, — проговорил я. — Мы даже не можем поручиться за то, что максимальная продолжительность жизни составлять сто пятьдесят лет, как заявлено.

— Больше, конечно. Насколько, так сказать, хватит сеансов омоложения и ресурса органики, но в общем и целом, мы пока еще в неких рамках.

— Ближе к теме, баб Нюр!

— Как я и говорила, не все такие, как мы. На некоторых планетах почти не осталось изначальных, не затронутых генной переделкой организмов. Это вроде бы, как там говорят, хорошо, ведь побеждены все болезни, проработаны все проблемы, пришла пора духовно развиваться, но... что-то там не сработало, в некоторых планетарных системах и Тимирязевская Академия взяла на себя роль по восстановлению истинного генома некоторых наших инопланетных соседей.

— Можно еще короче?

— Конечно. В процессе различных разработок лаборатории по выращиванию и скрещиванию растений и животных не должны были пересекаться между собой. Но благодаря нарушенной циркуляции воздуха, неправильно проложенных вентиляционных каналов, некоторым образом они все-таки пересеклись.

Пока спохватились — возник новый вирус, который передается от растений к человеку, уже появился на свет и получил некоторое распространение среди профессоров и студентов.

— Как это вообще возможно?

— Я почему знаю? — нахмурилась Селиванова. — Ни у кого из Тимирязевки, конечно, не было ничего подобного в планах. Но в погоне за морозостойкостью, невосприимчивостью к паразитам, и прочими модификациями, получилось так, что воздействию подверглись не только клетки растений, но и вирусы, которые жили в них. Так что, вирус, едва не погубивший плантацию кофе в Москве воздействовал не только на бобовые.

— Что он делает, какие создает последствия?

— Меняет восприятие вкусов некоторых продуктов. Некоторые ароматы, которые казались когда-то приятными — становятся невыносимыми, и усиливается действие кофеина.

— Каким образом?

— После чашечки настоящего ароматного кофе человек способен не спать несколько дней. Зависит от индивидуальных особенностей, но, в общем, до трех суток. Конечно, если не поспать после, то эффекты будут не из приятных, но ничего разрушительного.

— А минусы будут?

— Понижается иммунитет. На данный момент известно, что простуды у пораженных вирусом возникают несколько чаще... и еще... нейро-импланты перестают работать корректно. В чем это точно выражено — пока не известно. Основные функции не затронуты.

— То есть, это минусов не так много? — уточнил я.

— Ксантодемия появилась не так давно, и ее влияние на репродуктивную, кроветворную, лимфатическую и другие системы органов человека не изучены. Этого вируса официально не существует. Но хуже другое... от него не получается очистить кофейные бобы. Ни воздей-

ствие температур, ни обработки известными химикатами не помогают, а кофе — это один из экспортных товаров Земли. Если о вирусе станет известно... то непонятно, как это повлияет на отрасль. Кроме того, неизвестно, как ксантодемия может повлиять на иные формы жизни, отличные от человека.

— Откровенно негуманоидных форм, которые употребляли бы кофе не так много... — проговорил я, — ...а эта, как ее, демия, она передается воздушно-капельным путем?

Тут уже подключилась Мария, и я понял, что возможно, она сама достоверно не знала, передается или нет, и насколько устойчива к нашей иммунной системе.

— Пока достоверно установленный способ передачи ксантодемии — употребление кофе в любом виде, но ристрикция изолируют всех, кто контактировал с зараженными. На данный момент доказано, что вирус проникает в организм через слизистые оболочки рта и пищеварительную систему, так что ничего нельзя исключить.

Я скорчил недовольную гримасу.

— Сделать меня потенциальным носителем по твоему мнению было единственным шансом, что я отправлюсь в путешествие с вами обеими? И вообще, Анна Никитична, — обратился я к старшему члену нашего экипажа, — вы это спланировали?

— Я, — спокойно ответила Селиванова, — ты хороший человек, Родя, но нерешительный. Я знаю, что ты постарался бы помочь, возможно, даже нашел бы нужных людей, но в межзвездном путешествии нам нужен был опытный пилот, а не незнакомец, который при первой же возможности сдаст всех властям.

— Это вы неплохо придумали. А что дальше?

— Действуем по обстоятельствам. Кстати, как только достигнем галактики Андромеда, необходимо выполнить отскок.

— Как вы себе это представляете?

— Корвет этого класса это вполне позволяет, а пилотов-инструкторов обучают, как вести себя в ситуации, если передвижение по порт-лучу невозможно по каким-либо причинам.

— Откуда вы все это знаете?

Сейчас мне было принципиально получить максимум информации, и хотя сейчас мы были одной командой, хотелось понять, на чьей стороне я играю, и не поздно ли и в самом деле, сдать властям?

— Когда-то давным-давно, — баба Нюра грустно улыбнулась, глядя на меня, но продолжила рассказывать, — в той стране, которой уже нет на карте, я работала на «дальнем космосе». Имела некоторую степень допуска, и, как нетрудно догадаться, иногда принимала сигналы.

Официально, то есть через средства массовой информации, ничего, конечно, не сообщалось, но контакты были. Сам ведь, наверное, теперь понимаешь, что во вселенной не одни только протерианцы?

— Ну, да... я иногда удивлялся, почему именно их мы засекли и решили установить контакт...

— Не мы решили, Родя... но тебе придется поверить мне на слово. Две великие державы вели негласную космическую войну. Как несложно догадаться, велась она без прямого участия человечества, и... мы не успели.

Не все цивилизации, как ты понимаешь, развиваются одинаково. У протерианцев была технология порт-луча, а у альтариссид ее не было. Вижу, как ты удивлен. Никогда и не слышал об этой цивилизации, да? Они были и остаются нашими самыми близкими соседями. Они уже пережили страшные войны и геноциды. Альтариссиды — это космическая цивилизация, которая достигла высокого уровня технологического развития. Они наблюдали за нами с тех пор, как первые радио-сигналы стали уходить далеко-далеко от нашей планеты. Они наблюдали, но не вмешивались, полагая, что земляне должны сами пройти свой долгий путь.

Тем не менее, контакт состоялся. Они увидели в советских инженерах, связистах, космонавтах — младших товарищей, которые скоро или очень скоро совершат те же открытия, что и они и полноправно войдут в межгалактическое сообщество разумных цивилизаций.

Но все пошло по другому маршруту. Мы ведь действительно были похожи с ними. Материальное, казалось, не довело над духовным. Мы были счастливы делиться знаниями и культурой. Мы находили точки соприкосновения в тезисах о науке и технологиях, которые должны были служить не для обогащения, а для улучшения жизни и исследования вселенной.

Но, учитывая свое прошлое, альтариссиды почти полностью утратили воинственность и враждебность. Почти полностью отказались от оружия, способного причинять невосполнимый физический вред. Понимаешь, Родя, у них там все уже было. Ядерные и термоядерные войны. Ультракапитализм. Господство одной, высшей, по мнению немногих, расы. Они прошли наш путь, но прошли по другой дороге, и им казалось логичным, что мы сделаем то же самое.

— А мы не сделали?

— К тому времени те, кто принимали решения, уже поставили материальные ценности выше общечеловеческих. Мы можем сколько угодно говорить о том, что виноват дефицит или перекос промышленности в сторону тяжелого машиностроения, можем спорить весь день, но, как я думаю, виноваты были запреты и замалчивания.

Никто ведь не слышал об альтариссидах. Никто не писал научных статей. Никто не публиковал материалы, которыми они щедро делились с нами. Все, что осталось с тех пор — это статьи о терраформировании Венеры.

— Тераформировании Венеры? — эхом откликнулся я.

Судя по всему, времени было достаточно. Анна Никитична не выказывала никакого беспокойства, не говорила о скорой необходимости совершения сложного маневра, и в общем, выглядела расслабленной и довольной происходящим.

Я подумал, что возможно, это было лучшее и самое волнующее событие, что произошло за всю ее жизнь. И, не будучи связанным никакими узами или обязательствами, я так же чувствовал, что, несмотря на всю незаконность творившегося вокруг, я впервые за долгое время осознал, как живу в настоящем моменте, поскольку понятия не имею, будет ли следующий в принципе.

— Это был не то, что готовый к реализации проект, это была мечта, которая должна была стать реальностью, — продолжила Анна Никитична. — Не скрою, что у землян тогда не было достаточно сведений, чтобы делать заключения о возможности или невозможности заселения Венеры, но направление считалось перспективным.

Ученые полагали, что водоросли быстро изменят состав атмосферы, начнут вырабатывать кислород, и если уж мы не сможем жить на поверхности планеты, то летающие острова решат проблему колонизации.

— Почему проект был свернут? — спросил я.

— Во-первых, потому что новые данные принесли немало разочарований. В 1967 году космическая станция СССР достигла атмосферы планеты и передала информацию, нарушившую все планы. Согласно ей, оказалось, что на Венере отсутствует океан. В 1969 году вторая станция сообщила, что в атмосфере планеты свыше 97% углекислого газа, 2% азота и 0,1% кислорода, а водяных паров, способных помочь зародиться жизни — недостаточно, — выдохнула Селиванова.

— Сегодня мы могли бы решить эту проблему, разве не так? Меня вообще удивляет тот факт, что едва оправившись после ужасов разрушительной войны, мы запустили ракеты в космос.

— Да, Родя. Но тогда, мы считали, что так и должно быть. Что, преодолев страшные невзгоды, научившись на своих ошибках, мы никогда не повторим их, и теперь остается только

быстрее, выше, сильнее. Мы на самом деле верили в лучшее завтра, а потом оно перестало быть рентабельным, ведь появились протерианцы и возможность перемещаться по порт-лучам.

В Академии пилотирования космических судов такому не учат. Из истории космонавтики — самый минимум. Насколько помню, нам читали и про марсианские зонды, и про первый искусственный спутник Земли. И про миссии к Венере, конечно, было. Но всё так, по верхам. Для общего развития и в рамках того, насколько человечество было продвинутым, и насколько готовым к инопланетным контактам.

К чести своего курса могу сказать, что протерианцы не превозносились, как спасители человечества, но и отсылки к тому, что «еще бы чуть-чуть и земляне бы сами до всего додумались», так же было немного.

В Интернете до сих пор самые жаркие дебаты ведутся между верующими разных конфессий, приверженцами «красного» и «белого» движений, а еще тех, кто боготворит протерианцев, и тех, кто напротив, считает их исчадиями ада.

— Анна Никитична, скажите, альтрассиды, если бы захотели, могли бы вмешаться тогда, когда протерианцы еще не проявили себя? — спросил я.

— Я думаю, что могли. Если бы они начали путь сразу же, как между нами установилась связь, думаю, их корабль, и корабль протерианцев появились бы рядом с Землей практически одновременно.

— Им бы пришлось воевать за нас?

— Соперничать, скорее. Однако альтрассидам нечего было нам предложить, в отличие от протерианцев.

— А если бы они перебили наш телевизионный сигнал, скажем? Продемонстрировали бы первый контакт?

— История не знает сослагательного наклонения. Альтрассиды рассуждают иначе, чем мы, чем протерианцы. Мне кажется, если бы альтрассиды были бы первыми, то вектор развития сегодняшних межпланетных перемещений был бы совсем другим.

От слишком большого объема информации у меня разболелась голова. А может, сказывалась искусственная гравитация и старый нейро-интерфес. От такого я успел отвыкнуть за последние годы. Хотелось есть и спать, но нужно было узнать наши дальнейшие планы.

— У вас есть координаты выхода из порт-луча.

— Конечно, — отозвалась Анна Никитична, и тут же загрузила их в бортовой компьютер.

— Мне нужно немного поспать, обдумать все, что вы мне рассказали, и тогда я буду готов к маневру.

— Я знала, Родя, что ты согласишься.

— Сами подумайте, как много у меня вариантов? — проворчал я.

— Вариант есть всегда, но, мне кажется, тебе так же хочется познакомиться с альтрассидами, как и мне повидаться с теми, с кем иногда удавалось установить контакт. Кто знает, может быть, и у них всё давно изменилось.

Глава 6.

Сон был коротким, поверхностным и скверным. Мне снился запах жженного кофе, тенеплёты, окружившие неведомую планету, на которой предстоит посадить корвет, и Мария Ким, яростно хлещущая меня по щекам.

К счастью, все это оказалось лишь вывертом сознания, но, когда я открыл глаза, выбираясь из своей капсулы, Маша была неподалеку, и с готовностью подала мне стакан воды, которую я не раздумывая выпил.

— Система фильтрации не очень, — словно оправдывалась она, — воздух очень сухой.

— Угу, — откликнулся я.

Застегнув ворот скафандра, я подумал, что слушая рассказ Анны Никитичны, почему-то не задал ей главных вопросов. Например, откуда под станцией Бабайки взялся корвет, как давно он там находился и откуда взялся, почему они с Машей не могли улететь без меня, и как долго готовились?

Но события развивались настолько стремительно, что рациональное зерно, которое еще трепыхалось в моей голове, тут же исчезло, уступая место необходимости реагировать. Нам было пора сниматься с прямого и понятного порт-луча и отправляться в черную неизвестность космоса.

— Я загрузила необходимые карты, — словно отвечая на мои мысли, произнесла Маша.

— Нейро настроен на синхронизацию?

— Более или менее. У нас не было времени на тесты.

— Понял.

Многие вопросы предстояло решать в процессе. Я вообще не был уверен, что у нас получится легко соскочить, но я уже направился в рубку, не давая себе ни секунды на какие-либо сомнения.

Когда проводишь исследования в лаборатории, создаешь новый прибор или стараешься доработать блок управления, когда строишь маршрут, сверяясь со звездными картами — ты можешь сомневаться. Ты можешь прикидывать и так, и этак, размышлять, а как будет лучше? Советоваться и собирать, как профессионалов в нужной области, так и углубляться в ветки старых форумов в сети и пр. А вот когда перед тобой лежит лётное задание — никаких колебаний. Либо летишь, либо — нет.

В проложенном Анной Никитичной курсе я не сомневался. Конечно, по хребту пробегал неприятный холодок, но я не позволял себе даже подумать о том, сколько лет ее картам, откуда она их вообще загружала, и как сильно успела измениться обстановка за прошедшее время.

Увести любой корабль с порт-луча задача не самая простая. Кохионные двигатели должны отработать в предельном режиме, сам звездолет будет испытывать критические нагрузки и должен выдержать их. Сравнение с наземным транспортом, оставшимся без токо-снабжения, здесь было бы не корректным, но я все равно представлял себе трамвай или троллейбус. Однако уже очень скоро, привычная сосредоточенность вытеснила ненужные мысли. Я отдал команду на сход, и едва не физически почувствовал, как в своих креслах замерли Маша и Анна Никитична.

— Принимаю командование, — произнес я, — маневр по установленной траектории через десять секунд. Ручное управление на Громова.

— Есть, — коротко ответила Анна Никитична.

Больше я уже ничего не слышал. Нейро высвечивал показания приборов, как сумасшедший. Накидывая критические ошибки не только на общий экран, но и на мой интерфейс. Я едва успевал отдать команду «продолжить», несмотря на все сбои в системах корвета.

Наверно, именно поэтому Селиванова выбрала такую модель космолета. Современные транспортники не позволили бы игнорировать команды контура безопасности, вырубив бы двигатели, но допустили полной тяги на маневровых в момент схода с порт-луча.

А тут...

...нас хорошенько тряхнуло. Навигация показала невозможный курс. Экраны моргнули красным. Буквально всем телом в тот момент я ощущал, как корвет физически слезает с порт-луча, хотя понимал, что так не бывает.

— По моей команде, полный ход! И три, и два, и раз... и полный ход!

— Есть полный ход! — отозвалась Анна Никитична, вытягивая на штурвал на себя, и отправляя нейро быстрые, четкие и короткие команды.

Несмотря на то, что я освоился с управлением, у меня все равно не получалось так споро. Причем, насколько я понимал, Селиванова умудрялась разом контролировать не только двигатели, но и навигацию, в то время как я сосредоточился на двигателях и системах жизнеобеспечения. Учитывая, под каким мы сейчас шли перегрузом, я всерьез опасался того, что обшивка треснет, а нас выдует к чертовой матери в неласковый космос.

Наконец, порт-луч «отпустил», оставшись яркой полосой плазмы за нашими спинами. Корвет рванулся вперед. Нас вдавило в кресла без какой-либо компенсации так, что переживания за обшивку корабля уступили место переживаниям за сохранность костей и грудной клетки. И в тот самый момент, когда я сформулировал команду по медленному гашению скорости — в иллюминаторе я заметил, как нас настигает нечто.

Корвет словно бы раздвоился. Если чернота космоса может быть более черной, то это выглядело именно так. За нами гналась наша собственная тень. Я чувствовал, как холодеют костяшки пальцев, и видел, как от нашей «тени» к корвету тянутся длинные отсвечивающие фиолетовым, шупальца.

— Держать скорость, сколько это возможно! — передал я.

— Есть, — ответила Анна Никитична.

В рубке стало настолько тихо, что я сквозь наушники и нейро слышал, как надсадно гудит вентиляция, и как едва тянут сервоприводы, разогретые до предела.

Никогда прежде я не видел тенеплёт. И сейчас я не понимал, что собственно вижу. На радаре высвечивалось нечто невозможно огромное и холодное. Все мои знания подсказывали, что тепловизор врет, так как подобных температур существовать просто не может.

Нельзя было назвать это живым, но и на рукотворную машину тенеплёт похож был мало. Я лихорадочным взглядом обшаривал данные по боезапасу, пытаюсь придумать хоть что-то. Мы не можем долго идти под такими перегрузками, еще немного и корвет зависнет грудой мертвого железа или врежется в кусок космического мусора, чем черт не шутит.

Наконец, в голову пришла ошалелая мысль. Но лучше так, чем отчаянно пытаюсь удрать от неминуемой смерти. И пусть защита торговых караванов не входила в приоритет моего обучения, но я запомнил то ли из курса летного дела, то ли из какого-то древнего военного фильма... нужно сыграть на разнице температур!

— Выпустить тепловые ловушки! Поднять щиты! Экстренное торможение!

Анна Никитична действовала быстро и четко. Думаю, успевала благодаря нейро-интерфейсу и привычке к подобной работе, которую не удалось вытравить годами прозябания на пересадочной станции. А как это еще назвать? Специалист такого класса проводит свои дни буквально в глуши, вдали от всего того, что составляло часть ее жизни когда-то.

Может, Селиванова искала всё это время пилота, который способен долететь до альтрасид? Может, спланировала так изначально? Ответов у меня не было, как и времени углубляться в размышления об этом.

Только благодаря экстренному торможению, мы не влетели с разгона в странного вида нагромождения, похожие на железную стену в космосе. Никак иначе я не мог назвать то, о чем едва не кричали наши радары.

Возможно, сигнал о сближении был подан раньше, но у меня не было ни единой возможности отфильтровать и эту опасность от той, что до последних минут довлела над нами. Мы оттормаживались всем, что было в наличии. Скорость уже погасла, но инерция еще несла нас и если бы не руление маневровыми двигателями, наверное, я бы не справился с управлением корветом.

Зато тенеплёту повезло меньше. Он с размаху влетел в «космическую стену» левее нашего корабля. Если бы в космосе распространялся звук, наверное, послышался бы скрежет металла, треск пластика, треск порванных проводов. Но то, что было видно на экранах, иллюминаторах и радарх — несколько расходилось с нормальной картиной столкновения с препятствием.

Тенеплёт сжался, скукожился, смялся, сделавшись еще чернее и массивнее, а потом вдруг выстрелил двумя плазменными лучами в разные стороны, и нам еще повезло, что не в нашу.

На панелях, которые теперь стали различимыми обозначились черные подпалины. Полыхнуло красным, края металла уродливо выгнулись, обозначая расширяющийся разрыв.

— Это что на хрен такое? — негромко выдохнул я.

— Сфера Дайсона, — осветила Анна Никитична, хотя я и не ожидал от нее какого-либо ответа.

— В смысле?

— Альтрассиды — цивилизация второго типа по Кардашёву. Вернее, они стали такими, после знакомства с нами.

— С этого момента поподробнее, если только нам не грозит немедленная смерть!

Анна Никитична выдохнула, понимая, что сейчас отделаться полуправдой не удастся. Мы уже дважды чудом избежали гибели, и продолжать двигаться вслепую для меня неприемлемо. Так что Селиванова рассказала и о том, как зачитывалась статьями Кондрашёва, как со временем исследования дальнего космоса опирались на его выкладки и расчеты, и как в один из дней они услышали голос Альтрассиды.

Около года ушло на выработку общего языка, еще несколько месяцев для того, чтобы обучиться передавать научно-техническую информацию друг другу.

— Они не спешили, если уж по совести. Наверное, тогда и начали строить сферу, поскольку по мере нашего общения — потребление энергии Альтрассидой росло. Наши идеи помогли им воплотить свои в жизнь, а их подсказки способствовали такому быстрому прогрессу человечества.

— Но мы же не начали строить свою сферу, разве не так?

— Мы должны были начать. Я имею ввиду в Советском Союзе. Даже почти успели...

— С протерианцами получилось более выгодное сотрудничество?

— Они зашли с другой стороны, насколько я понимаю. Мое подразделение по дальнему космосу было уже закрыто на тот момент. Может быть, контакты с Альтрассидой посчитали опасными, а предложение протераанцев — понятным. Они ведь просто принесли нам свои технологии, не требуя, чтобы мы — земляне — совершали какие-либо усилия для получения оной.

— Не думаю, что дело только в технологиях.

— А в чем?

— Протерианцы, скорее всего, пообещали кому следует вечную жизнь. Ну, если не вечную, то долгую. Этого достаточно, чтобы победить иметь преимущество в конкуренции.

— Пожалуй, ты прав, Родя, — Анна Никитична помрачнела.

Ее возраст сейчас обозначился особенно явно. До меня именно тогда вдруг дошло, почему на самом деле она отказалась от омоложения. Для Селивановой — это было равносильно предательству.

— Альтрассиды говорили, что всему свое время? — спросил я.

— Они говорили, что до всего надо дорасти. Нельзя прыгать через ступень, так не получается.

— Но мы прыгнули?

— Попытались.

Пролом, проделанный тенеплётом в сфере Дайсона, зиял зазубренными краями, но со всех сторон к нему уже спешили юркие и быстрые манипуляторы. Размер пролома соответствовал габаритам нашего корабля, что позволяло увидеть весь не хилый масштаб происшествия. Сейчас, прокручивая в голове произошедшее, я думал, что тенеплёт был чем-то очень похож на наш корвет. Словно это он и был, только в какой-то другой, измененной реальности.

Я не успел додумать эту мысль, как и поделиться с Машей и Анной Никитичной, поскольку «окно возможностей» уменьшалось прямо у нас на глазах. Действовать нужно было немедленно, и, включив малый ход, мы проскользнули в прореху, что затянулась за нашей спиной стремительно и неумолимо.

«Альтрассида приветствует вас!» — зазвучало везде и сразу.

Сигнал дошел до каждого из нас, как через динамики, так и через нейро. Было немного жутко, но в то же время, мы приближались к чужой планетной системе, и то, что нас еще не уничтожили, говорили о том, что ее населяют миролюбивые жители.

«Мы перехватили управление вашим кораблем исключительно в целях безопасности. Служба межпланетных перелетов доставит вас на космодром Звездный. Вы можете не переживать за расход топлива. Желаем вам хорошего полета!».

Пожалуй, вот здесь я и испытал острый приступ паники. Ни одна кнопка на панели не слушалась команд. Ни один из запросов нейро-интерфейса не мог быть удовлетворен. Я мог только проверить состояние жизнеобеспечения корабля и получить данные по нашим запасам, как топлива, так и провианта.

Даже при маневре схода с порт-луча, даже при уклонении от тенеплёта я не ощущал себя таким уязвимым. Никогда бы не подумал, что для меня той самой болевой точкой является невозможность что-либо сделать, принять решение, повлиять на ситуацию.

Но корвет неумолимо двигался сквозь пространство, обходя космические станции, разгонные блоки, платформы, непонятного назначения, спутники и что-то еще рукотворное, что я мог бы обозначить, как «космическая верфь», поскольку больше ни на что не походили те механизмы, мимо которых мы пролетали.

«Вам абсолютно не о чем волноваться. Распознавание единицы биологической разумной жизни Селивановой Анны Никитичны прошло успешно. Опасность квантового распада отсутствует. Вы в безопасности. Полет до космодрома Звездный займет три часа по счислению вашей планетарной системы. Вы можете задавать любые вопросы, и альтрассиды постараются вам ответить»

— Почему они говорят о себе в третьем лице? — спросил я Анну Никитичну, в основном, чтобы отвлечься от своих мыслей.

— Они считают, что они едины. Альтрассида — их главная планета, та, где зародилась жизнь. Они — альтрассиды, дети своей планеты и ее плоть, что-то в этом роде.

— Сложно.

— У них немного другая логика, но вроде бы внешне они мало чем отличаются от землян, если верить тем данным, что я когда-то анализировала.

— Все то, что происходит выглядит неестественным. Почему вы обе такие спокойные? — спросил я, обращаясь и к Маше Ким тоже.

— Мы все еще живы, значит — все хорошо, — отозвалась Маша, из своего кресла, — вообще, это путешествие — самое охрененное, что когда-либо происходило в моей жизни. Я могла буквально сдохнуть раз десять, но не сдохла, и вот мы скоро увидим представителей другой разумной жизни, это же охренеть не встать! Почему вообще никто не говорит про Альтрассиду? Пусть они даже конкурировали с протерианцами, но почему никто сюда не летает?! Почему мы ничего не знаем о них?

— Потому, что они не хотят, чтобы о них знали, — ответила Анна Никитична. — Старшие альтрассиды понимают, что не все, кто наделен разумом, придут с миром. А протерианской системе не нужна альтернатива. Я думаю, что так или иначе борьба идет, но Земля настолько на ее задворках, что до нас долетают лишь отголоски.

— Как думаете, альтрассиды знают, что такое тенеплётё и откуда они берутся? — спросил я.

— Возможно. Не забудь об этом спросить.

— Потому что, нам придется как-то возвращаться?

— Не думаю... но нам придется двигаться дальше.

У любого летательного аппарата, будь то самолет, космический челнок или орбитальник самые большие риски пилотирования заключены во взлетах и посадках. Путешествия по портлучу в этом смысле безопаснее и проще, но при посадке на космодром или принимающую площадку — всегда есть сложности и нюансы.

На Альтрассиде же все за нас делала чужая автоматика. Она просчитывала все возможные проблемы и не позволяла им возникнуть. Я не успел как следует испугаться, как корвет совершил посадку, на выпущенных заблаговременно стойках. Их рессоры идеально погасили удар о поверхность, пожалуй, никто не рассчитал бы лучше.

Само собой, ни один местный стыковочный механизм не подошел для нашего архаичного (даже по земным меркам) корвета. Однако очень быстро нам подогнали трап. Он был необычно большой и широкий, но я про себя решил, что иначе мы не можем пройти обработку, а бактерии и прочее, что мы принесли с Земли — могут негативно сказаться на местных. Нас все равно нужно как-то обеззаразить, и сделать все одним махом, а не мариновать в карантине — лучшее решение.

Моя догадка подтвердилась почти сразу. Из динамиков прозвучал все тот же мягкий голос:

«Процедура обработки не займет много времени. Мы просим вас пройти в отсек ожидания, расположенный сразу за трапом. Когда вы дойдете до красной отметки — поднимите руки вверх и закройте глаза. Вы услышите обратный отсчет. Когда обработка будет закончена, вас оповестят об этом и вы сможете проследовать в конференц-зал, где альтрассиды уже готовятся ко встрече с вами».

Эти часы ожидания казались мне мучительными, конечно, бывало и хуже, но за последнее время, мне не доводилось так долго ждать чего-либо настолько интересного и захватывающего. Я пытался мысленно переключиться на что-то другое, пытался продумать стратегию нахождения на Альтрассиде, но все было тщетно. Однако помощь пришла, откуда я не ожидал.

Маша, до этого почти не принимавшая участия в беседе, точно оттаяла, точно сбросила с себя оковы страха и оцепенения, и теперь выглядела более живой и заинтересованной. Она задавала десятки вопросов, которые я пропускал мимо ушей, пока вдруг не прозвучал самый важный:

— Баб Нюр, а как вам вообще удавалось беседовать, если до Андромеды свет перемещается несколько миллионов лет, или вроде того? Раньше ведь не было перемещений по портлучу, разве не так?

— Так, — согласилась Анна Никитична. — Этот контакт произошел более сорока лет назад, и он совершился не благодаря тому, что земные технологии продвинулись настолько сильно, а потому что продвинулись настолько, чтобы межпланетные коммуникационные системы, использующие квантовую связь, запустили обмен информацией на межзвездных расстояниях.

Тогда альтрассиды находились примерно на том же уровне общественного развития, что и советское общество, но их технологический прогресс превосходил земной уже на порядки. В том числе, в межгалактических коммуникациях.

— А кроме нас они с кем-то беседовали?

— Конечно. Но так получилось, что тогда только земляне восприняли их всерьез и не стали, или не смогли уничтожить ретрансляторы.

— Эти ретрансляторы потом уничтожили протерианцы? — Маша надеялась, что еще есть надежда.

— Скорее всего, они до сих пор болтаются на окраинах солнечной системы, ведь говорить с альтрассидами больше никому и не о чем.

— Звучит как-то странно. Как будто нам не о чем было договариваться, разве не так?

— А так оно и есть. Альтрассиды еще тогда демонстрировали глубокое понимание важности гармонии между технологическим прогрессом и духовным развитием. Я ведь сказала: «общественное развитие было схожим», но разница, конечно, была. Даже в СССР многие из нас притворялись, особенно, когда становились старше. Говорили, будто бы не важно во что мы одеваемся, как питаемся, и какими приборами пользуемся в быту, а у альтрассид все было по-настоящему. Ты скоро сама все увидишь, — вздохнула Селиванова.

Я даже не пытался делать вид, будто не прислушиваюсь к разговору. Напротив, слушал жадно, вылавливая для себя крохи информации, чтобы понять, как вообще мы будем разговаривать с теми, для кого марка смартфона, газированного напитка или шоколада не имеет никакого значения. Интересно, есть ли у них вообще что-то похожее?

Все планеты, связанные порт-лучом, были чем-то похожи друг на друга. Да, какие-то жили более богато, какие-то более бедно. Некоторые представляли собой огромные верфи по строительству космических кораблей, на других — не было ничего, кроме бесконечных полей, распаханых до горизонта. Но все отчасти напоминали нашу родную Землю. Те же коммерческие интересы, те же товарно-денежные отношения, та гонка потребления, словом — всё, как у людей.

Глава 7.

— Добро пожаловать, гости с Земли.

Голос звучал ровно и звонко. Дезактивация осталась позади, и теперь мы делали свои первые шаги по космопорту Звездный. Мне казалось, что он в принципе похож на земные аэропорты, разве что кругом меньше визуального шума.

Специально для нас был выстроен коридор, видимо альтрассиды все еще сомневались в том, что мы достаточно чисты, либо отгораживали от контакта с рядовыми гражданами планеты. Вообще, в моей голове промелькнуло достаточно сценариев, и лишь любопытство брало верх над всеми остальными эмоциями.

Признаться, я вообще не помню такого момента в жизни, чтобы что-либо занимало меня настолько. Разве, что в детстве, когда я увлекался новой компьютерной игрой или книгой. Да... больше всего было похоже именно на это. Но сейчас, я до конца не мог поверить в то, что это происходит на самом деле. Сколько бы я не путешествовал по порт-лучу, как-то стало уже само собой разумеющимся, что планеты, связанные протерианцами — это все, что может предоставить нам мыслящая вселенная. Но, судя по всему, целый пласт цивилизаций, целый пласт знаний, планет, звёздных систем и галактик до сих пор оставался сокрытым.

Маша старалась держаться поближе ко мне, как будто даже пряталась за моей спиной, а Анна Никитична шла спокойно и твердо, словно знала, как оно будет, и готовилась к этому моменту все последние сорок лет.

«Будьте добры, следуйте по направляющим. В конце, дорогие гости с Земли, вы пройдёте в стерильный бокс, где наша медицинская служба произведет вакцинацию. В дезактивационной камере мы выяснили, что ваш микробиом не представляет для Альтрассиды опасности, но обитающие на нашей планете микроорганизмы могут причинить вам существенный вред. Медицинская служба сделает все возможное, чтобы вы были здоровы».

Выбора не оставалось. Пути к отступлению были отрезаны, так что даже наши опасения и переживания по поводу местных жителей не привели бы к какому-либо результату. Я расслабился, насколько сумел, и занялся тем, что изучал все вокруг, стараясь понять, вызывали ли мы интерес у местных? Многие ли оторвались от привычных дел, чтобы поглазеть на инопланетян? Насколько похожи наши представления о промышленном дизайне и функциональной архитектуре?

То, что мне удалось рассмотреть, казалось интуитивно понятным. Словно бы, и в правду, земной аэропорт масштабировали и сделали максимально удобным; убрали рекламу, ненужные препятствия и сделали достаточно скамеек, кресел и стульев, чтобы все смогли разместиться с комфортом. Я краем глаза заметил автоматизированную доставку каких-то габаритных грузов, и подумал, что даже не все Московские аэропорты, как и транзитные станции системы порт-луча оборудованы чем-то подобным.

Официальная причина низкой роботизации Земли заключается в том, что мы стараемся сохранить максимум рабочих мест. Однако лидеры общественного мнения много писали в Интернете о том, что протерианцам плевать на такие мелочи, главное, чтобы все было выполнено. Крупные же компании предпочитают получать отчисления за патенты, нежели совершенствовать производственные и бизнес-процессы.

Не успел мой мозг закончить сравнительный анализ, как наша небольшая пешая прогулка завершилась. Нас встретили приветливые люди в белых защитных комбинезонах, и у меня возникло такое чувство, что я никуда и не улетал с Земли, а все это просто нелепая шутка.

Альтрассиды почти ничем не отличались от нас. Может только их кожа выглядела более здоровой, карие глаза медика, который работал со мной, имели большую глубину, чем я привык видеть у землян, а ещё все местные словно излучали уверенность и надежность. Иначе я не могу объяснить то чувство, которое меня посетило.

— Вам не о чем тревожиться, — произнес медик, — мы — такая же белковая форма жизни, как и вы. Наша эволюция протекала похожим образом. У Альтрассиды и Земли вообще больше схожего, чем отличного. Главные различия состоят в продолжительности жизни, продолжительности местных суток и некоторых других мерах измерения, продуктах питания и атмосфере. Но они столь ничтожны, что, должно быть, вы только в первые дни будете обращать на это внимание.

— Сколько продлится наш карантин?

— Карантин отнимет у вас пятьдесят земных часов, или двое наших суток.

Профессионал внутри меня требовал оповестить местных о том, что мы прилетели, так сказать, не одни, и возможно, их дезактивационные системы не могли учесть всего, поскольку последняя связь с Землей у них была довольно давно, а прямых контактов так и вообще не было. И мы не знали всего того, что произойдет дальше, равно как и то, что появится вирус, передающийся от растения к человеку.

— Я должен вас предупредить, я и Мария Ким заражены вирусом, названным ксантодемией. Мы не знаем, как он может себя повести, и насколько может быть опасен, как для вас, так и для ваших растений.

— Значительных отклонений от нормы не выявлено, — послышалось в ответ. — Скорее всего, если вы правы, то данный вирус не представляет особой угрозы, но, мы благодарим вас за информацию, и еще раз перепроверим результаты. Как вижу, вы ставите общественные

интересы выше личных, и мне приятно это осознавать, так как у нас были другие сведения о Земле и о тех, с кем вы ведете торговлю.

— Как вы называете протерианцев?

— Для нас они зорефаги. Вообще, это довольно грубое слово. Ближе всего к нему будет земное обозначение «паразит».

— Я пока не так много знаю о вас и вашей планете. Собственно, Анна Никитична в некотором смысле сподвигла нас на данное путешествие, и теперь мы вряд ли сможем вернуться на Землю, учитывая, что по дороге так или иначе, нам пришлось нарушить с десяток законов.

— Полагаю, на Альтрассиде вам помогут решить все возможные проблемы. В любом случае, желаю вам хорошего отдыха, и надеюсь, что вам здесь понравится.

— Подождите! Могу я узнать ваше имя?

— Конечно. Меня зовут Польш. Мой сектор шестьсот одиннадцать, если будет желание — заходите в гости.

— Спасибо, Польш. Простите, что не представился. Родион Владимирович Громов.

— О вас нам известно всё, — мне показалось, что улыбка медика стала немного шире, — мы не можем подвергать планету опасности, и хотя никогда не нападаем первыми, но стараемся узнать как можно больше о тех, кто способен причинить Альтрассиде вред. Я рад, что вы оказались не из зорефагов, хотя и очень на них походите.

Архитектура Альтрассиды напоминала смелые проекты Земли. У нас такие здания располагались в столицах. Это были богатые кварталы, в которые обычным смертным не было хода. Здесь из комментариев сопровождающего мы поняли, что проезжаем по проспекту, где расположены школы, библиотеки, университеты и общественные залы.

— Что такое «общественные залы»? — уточнил я.

— Альтрассиды — очень общительны, по сути, только так мы можем научиться новому, помочь бонэ освоить желаемый навык или развеять грустные мысли. Мы не слишком любим проводить время в одиночестве, так что общественные залы стали для нас отличным решением, чтобы читать, решать сложные задачи или попросить о помощи, если она необходима.

— А что такое «бонэ»?

— Самое близкое определение, которое я смог подобрать, похоже на земное слово «товарищ». У «бонэ» нет пола, но мы не говорим «соплеменник» или «соотечественник». На Альтрассиде одна раса и, так сказать, один путь.

— Возможно, именно это помогло вам оказаться именно там, где вы находитесь, — я вернул Польшу (а сопровождающим был именно он) любезность, и снова уставился в окно.

Кто знает, если бы на Земле сложилось так, что у людей не возникало бы расовых различий, то мы тоже называли бы друг друга «товарищами» и жили в похожем на Ефремовский мире.

Признаться, несмотря на все благополучие, которое не было напускным, я все время пытался отыскать подвох во всем, что меня окружало. Если уж капиталистическая система в той или иной ипостаси победила на огромных просторах обитаемой вселенной, если существуют целые специализированные планеты и даже планетные системы, буквально заточенные на производства одного продукта или услуги, то как... как они вот такие умудряются выживать?

С другой стороны, они уже используют энергию своего светила иначе, чем мы, иначе, чем любая из галактик в системе порт-луча протерианцев. Им не нужно устраивать войн из-за ресурсов. Если верить Анне Никитичне, то войны здесь были, и не раз альтрассиды стояли на краю гибели.

Очень скоро мы добрались до жилого района, где Поль проводил нас до нашего временного жилья. Больше всего местные апартаменты походили на наши квартиры в многоэтажках, и мы так и стали их называть между собою.

— В ваше распоряжение будут предоставлены книги и инструкции по пользованию бытовыми приборами в бумажном или электронном виде. Пока передохните, переоденьтесь, если это необходимо. Через два земных часа все вакцины начнут свое действие, и, что важно, ваш нейролингвистический аппарат будет способен к восприятию всех диалектов Альтрассид, и других. Мы больше не будем использовать архаичные переводчики, которые закреплены на моем защитном комбинезоне сейчас. Но я оставлю один прибор включенным. Заряда в нем достаточно до завтрашнего утра, на случай, если личные особенности вашего организма все-таки не позволят быстро перестроить нейролингвистический аппарат.

— Здесь есть какой-то виртуальный помощник?

— Что это?

— Какая-нибудь программа, к которой мы можем обратиться, если что-то будет неясно.

— Да. Общая альт-сеть поможет вам. Назовите свои имена и используйте ее по своему усмотрению. Она так же может предоставить вам доступ к историческим документам и прочему в голосовом формате. Наши данные о Земной культуре потребления информации хотя и обновились, благодаря вашему космолету, но приоритет у контакта с Анной Никитичной выше.

— За сорок лет у нас многое изменилось... можно сказать, изменилось всё, особенно в культуре потребления информации. Сейчас нам нужно время, чтобы прийти в себя и осознать все, что случилось. — Я еще раз поблагодарил Поля после чего он оставил нас друг с другом и с альт-сетью, которая (я был уверен) не только могла предоставить нам любую информацию об Альтрассиде, но наверняка вела запись в видео— и аудио форматах.

Как только мы остались одни — Маша тут же включила местные новости, в надежде узнать, что происходит на планете, как освещается наш визит, и нет ли информации о тенеплётках. Возможно, на Альтрассиде их называют как-то иначе, а для нас не лишним было бы узнать о врагах больше.

Я же, разделив летный костюм на две части, стащил с себя куртку и лег на диван, наблюдая за тем, как Анна Никитична подошла к окну и надолго замерла, рассматривая город. Я знал, что мое ожидание вознаградится, собственно, так и вышло, когда баба Нюра заговорила.

— Знаешь, Родя, добраться до Альтрассиды было моей мечтой. Всю свою жизнь я ждала этого шанса. Не скрою, что постаралась сделать всё, чтобы он мне представился. Я не думала, конечно, что так получится с Машенькой и с тобой, не знала до конца, почему она попала под жернова рестрикции. Думала, что там что-то другое...

— Сейчас это не имеет значения. Что думаете о первом реальном контакте?

— Не знаю. Тогда... сорок лет назад это казалось таким правильным. Будто нам — землянам — не хватает совсем немного, чтобы достичь уровня Альтрассиды. Знаешь, что все вот так возьмут и осознают, что материальное благополучие не является главной ценностью, что необходимо справедливое распределение ресурсов и ликвидация социального неравенства. А главное, что это очень просто! Но...

— ...теперь вы считаете, что в этом было что-то неправильное?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.